

учительская

независимое педагогическое издание

газета

№30 (10579)
от 28 июля
2015 года

<http://www.ug.ru>

Газета выходит с 1924 года
Цена договорная

Специальный выпуск

Литературный альманах

Все флаги в гости к нам!

Азербайджан

Армения

Белоруссия

Грузия

Казахстан

Киргизия

Латвия

Литва

Молдавия

Россия

Узбекистан

Украина

Эстония

Анна ХРУСТАЛЕВА, ведущий редактор номера

Впервые я оказалась за границей в далеком уже 1994 году. Из того путешествия... в Белоруссию запомнилось не так уж много. Хлеб, стоивший десятки, если не сотни тысяч местных «зайчиков», запах картошки, жаренной со шкварками, да низкие крыши старого Витебска, над которыми, того и гляди, проплывут знаменитые шагаловские влюбленные. Через год был Киев: Андреевский спуск и Подол пылали золотом ранней теплой осени. В Риге варили замечательный кофе. О моем путешествии в Вильнюс друзья до сих пор рассказывают анекдоты. О Баку я сама, подобно Шахерезаде, могу говорить бесконечно, лишь бы нашелся терпеливый слушатель, который не знает еще ни о коварстве гладкого, как зеркало, Каспия, ни о гостеприимстве местных жителей, готовых прийти на помощь заплутавшему путнику: сна-

тался в своей стране, где родился и вырос или куда был заброшен волной прихотливой судьбы. Все они нашли свое место в новых декорациях и без работы не сидят: занимаются журналистикой, переводами, преподают, снимают кино. И с упорством, вызывающим лишь искреннее восхищение, изо дня в день продолжают писать. Поэтому без них общая картина современной русской литературы была бы неполной, они ее неотъемлемая часть, ее настоящее и, хочется верить, будущее.

Хранители

чала напоить чаем с вареньем, а потом вывести из лабиринта Старого города.

В глубине души я люблю эти путешествия даже больше, чем поездки в Западную Европу. Потому как помимо целого вороха впечатлений получаю возможность говорить с хозяевами на одном языке. Наверное, это продлится не так уж долго, и чем дальше в прошлое будет отступать наша общая история, тем меньше людей в бывших союзных республиках будут понимать русский язык. Но пока что он все еще связывает нас. Связывает, несмотря на то что все прочие нити, казалось бы, давно уже истончились, а где-то и окончательно оборвались. Знаю наверняка, что русские, и поныне живущие в молодых независимых государствах, хранят язык куда бережнее нас с вами. В данном вопросе они прямо-таки педанты. Это мы невольно можем позволить себе легкомысленное, а подчас и пренебрежительное отношение к родному языку. Наши соотечественники за рубежом не могут. Для нас он данность, нечто само собой разумеющееся и неисчерпаемое. Для них - бесценное наследство, которое нужно если не приумножить, то хотя бы не растратить бездумно. Отсюда русскоязычные «толстые» литературные журналы, которые пусть и не всегда регулярно, но все же продолжают выходить в большинстве республик, местные поэтические фестивали, литературные школы и мастер-классы для начинающих авторов.

Номер, который вы держите в руках, посвящен им, главным хранителям общего для нас родного слова, поэтам и прозаикам постсоветского пространства, пишущим на русском языке. После исчезновения Советского Союза с карты мира они не перебрались в Россию, каждый ос-

Я не буду расставлять маяки и зажигать придорожные фонари, подробно рассказывая о том, что ждет вас в журнале. Сейчас вы перевернете страницу и отправитесь в путь. В одиночку, как и положено опытному путешественнику. Перемахнете через вершины Кавказа и окажетесь в среднеазиатской пустыне и украинской степи, вдохнете соленый морской воздух Балтики. Вы исколесите весь бывший Союз, не попадете лишь в Таджикистан и Туркменистан, где русскоязычная литература в данный момент, увы, в некотором дефиците... В дороге вас ждут удивительные встречи. Возможно, не все будет понятно и близко, но это не страшно: каждой истории предуготовлен свой читатель, а каждому читателю - своя история. Надеюсь, вы ее непременно здесь отыщите.

А вот чего вы точно не найдете, так это идеологического подтекста. Так что даже не тратьте время на его поиски. Говорю об этом специально, так как некоторые авторы волновались, не будет ли у нашего сборника великодержавных претензий. Отнюдь, никаких претензий. Одно лишь желание - в непростое наше, тревожное и зыбкое время оказаться чуть ближе друг к другу...

P.S. Редакция «УГ» выражает глубочайшую признательность писателям Леониду Бахнову (журнал «Дружба народов») и Елене Усачевой, поэтам Вадиму Муратханову и Анне Матасовой, драматургу Отару Перта-хия, а также всем авторам и художникам, участвовавшим в создании альманаха, за неоценимую помощь и искренний интерес к проекту.

Содержание

Ильгар САФАТ	
Дружина	3
Армен ВАТЬЯН	
Великан, который мечтал играть на скрипке	4
Виктор МАРТИНОВИЧ	
Остановка в пути	6
Инна КУЛИШОВА	
Строчки скручены налегке	8
Михаил ЗЕМСКОВ	
Слабоумие	11
Юрий СЕРЕБРЯНСКИЙ	
За нами глобус Земли	14
Елена КЛЕПИКОВА	
Лягмян	16
Владимир ЛИДСКИЙ	
Любить	18
Вячеслав ШАПОВАЛОВ	
Горнило золотого небосвода	21
Алексей ГЕРАСИМОВ	
Русские народные красавицы кощеев не боятся!	24
Сергей ИСАЕВ	
К вопросу о создателе человека	26
Вика ЧЕМБАРЦЕВА	
Апрель в финале марта неизбежен	30
Михаил ИВЕРОВ	
Расколдованные тени	32
Андрей ВОЛОС	
Страна сновидений	35
Герман ВЛАСОВ	
Теплота от короткого слова	37
Сухбат АФЛАТУНИ	
Прямоугольник света	40
Сид ЯНЫШЕВ	
Шпанка	41
Александр КАБАНОВ	
Что я - мысль о тебе	43
Николай КАРАЕВ	
Кстатический письмовник	46
Как Бог создавал гэльский язык	47

Рисунок на 1-й полосе Екатерины БОЧАРОВОЙ

учительская

педагогическая общественно-политическая газета

Газета основана в 1924 году

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР -

Петр ПОЛОЖЕВЕЦ, peterpol@ug.ru

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР -

Евгений АГОШКОВ, agoshkov@mail.ru

заместитель генерального директора -

Анна ЕЛАНСКАЯ, aelanskaya@ug.ru

обозреватель -

Виктория МОЛОДЦОВА, movin18@ya.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ирина ШВЕЦ - первый заместитель главного редактора - ответственный секретарь, irina@ug.ru

Ирина ДИМОВА - первый заместитель главного редактора, dimova@ug.ru

Ольга МАКСИМОВИЧ - заместитель главного редактора, maksim@ug.ru

Наталья БУНЯКИНА, uinfo@ug.ru

Анна ДАНИЛИНА, aadanilina@mail.ru

Светлана РУДЕНКО, rudenko@ug.ru

Надежда ТУМОВА, tumova@ug.ru

Анна ХРУСТАЛЕВА, hruss@mail.ru

ОТДЕЛЫ

образования и воспитания

редактор Светлана РУДЕНКО - (495) 623-57-81

Лора ЗУЕВА - (495) 623-57-81

Оксана РОДИОНОВА - (495) 607-78-57

Маргарита КУРГАНОВА - (495) 623-02-85

Ольга МАРИНИЧЕВА

политики и экономики образования

редактор Анна ДАНИЛИНА - (495) 623-39-17

Вадим МЕЛЕШКО - (495) 623-39-17

писем и социальной защиты

редактор Надежда ТУМОВА - (495) 623-02-85

информации

Наталья БУНЯКИНА - (495) 607-78-57

культуры

редактор Анна ХРУСТАЛЕВА - (495) 607-78-57

Татьяна ЕФЛАЕВА - (495) 607-78-57

компьютерный

Валерий ЦУКАНОВ - (495) 623-15-49

юридический

Татьяна ПОГОРЕЛОВА - (495) 623-02-85

рекламы и общественных связей

Ирина АГАЕВА - (495) 623-73-94

Сайт «УГ»

редактор Ольга МАКСИМОВИЧ -

(495) 607-93-40

веб-редактор Константин СОРОКИН

Агентство «КРУГ-тур»

директор Павел КРИВОУСОВ -

(495) 623-60-50, 623-55-88

СОБКРОВОВСКИЕ ПУНКТЫ

Великий Новгород - Светлана ПОТАПОВА

(8162) 66-08-11;

Воронеж - Татьяна МАСЛИКОВА (473) 242-22-06;

Екатеринбург - Марина РОМАНОВА (343) 234-34-35;

Нижегород - Вера АБРАМОВА

(831) 218-78-18;

Новосибирск - Нина КОПТИОГ 8-962-831-73-75;

Омск - Наталья ЯКОВЛЕВА (3812) 95-51-30;

Санкт-Петербург - Наталья АЛЕКСЮТИНА

(812) 366-18-85

Ведущий редактор

Анна ХРУСТАЛЕВА

Компьютерная верстка

Константин ГРЕССЕЛЬ

Зав. корректурой

Нина КРАСИКОВА

ПРИЛОЖЕНИЯ «УГ»

«Мой профсоюз»

Наталья БУНЯКИНА - (495) 607-78-57

«УГ-Москва»

Виктория МОЛОДЦОВА - (495) 623-02-85

Адрес редакции:

107045, Москва,

Ананьевский переулок, 4/2, стр. 1.

Телефон для справок (495) 628-82-53

Факс (495) 628-82-53.

Электронная почта ug@ug.ru

Веб-сайт: http://www.ug.ru

Учредитель: журналистский коллектив редакции.

Издатель:

ЗАО «Издательский дом
«Учительская газета».

© «Учительская газета».

Все права защищены.

Перепечатка допускается только по письменному согласованию с редакцией, ссылка на «УГ» обязательна.

Ⓜ-материал печатается на коммерческой основе. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, данной в рекламном объявлении.

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции. Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.

Время подписания в печать:

14.00

27 июля 2015 г.

Газета зарегистрирована Министерством печати и массовой информации Российской Федерации (№1061).

Отпечатано в типографии

ОАО «Московская газетная типография»
123995, г. Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1.

Индексы:

50137, 32168; 12270, 12272

Тип. 1694

Общий тираж с приложениями 74400 экз.

Ильгар САФАТ

Дружина

Отрывок из книги «*Lucidity. Сны о режиссуре*»

Небо выплеснуто густой синевой над желтой степью. Степь выжжена солнцем и огнем боевых пожарищ. Русь беременна битвами и грядущим величием. Но время, время еще не стало осязаемым, о нем мы знаем только понаслышке. Время - это лишь молва, чей-то вздорный вымысел, сказ юродивого, побиваемого камнями. В него никто не верит, им никто не дорожит.

Желтую степь пересекало черное племя изможденных людей, в которых никто бы не дерзнул опознать некогда доблестное, brave воинство князя. Был среди них и я, воин княжеской рати, не последний из княжеских храбрецов. Из какого похода мы шли и с какой силой столкнулись, я не помнил. Должно быть, голову мне перешибло ударом подлого супостата. Товарищей своих я тоже вспомнить не мог, ни имен их, ни лиц, хотя не первый день делил с ними все тяготы бесславного похода.

Шли из последних сил, не веруя в спасение. От голода и ран гибли самые стойкие. Шли пешим ходом.

Коней всех съели. Припасов больше не оставалось. За полевую мышь готовы были обнажить мечи друг против друга, но раздобыть мы не могли и мыши полевой. Скрип обоза, груженного трупами, до сих пор разносится в моей голове, но под кованым шлемом ему тесно, и он покрывает собою все ночное пространство, усеянное звездами.

Я лежу в траве и чувствую, как дышит земля. Прислушиваюсь к тишине, из недр которой смотрят на меня слепые звезды. День - ночь, день - ночь. Идем уже долго, а конца этим диким просторам не видно. Но вдруг между желтым ковром земли и густой синевой неба показывается белая полоса. Белокаменные стены кремля. Мы не верим глазам своим. Если это мираж, то он уже вторгся в наше земное пространство. У крепостных ворот, по ту сторону рва, перед разводным мостом стоят на изготовке воины. Лица их суровы. На нас взирают как на пришлых. Не узнают некогда грозную силу, бывших защитников своих, бывшую дружину князя. Как на собак смотрят, набежавших из диких степей в поисках кости. Из нас один, что побойчее, кричит, чтобы опускали мост. Мол, княжеская рать вернулась. Поход был, правда, неудачен, но мы сражались как могли, себя не осрамили. И князь меж нас, его хотя и не узнать, так исхудал и обессилен он в дороге,

но все же князь он, наш отец, ему служить беспрекословно мы целовали крест. Но там, за ямой крепостной, из всадников, похоже, главный, в собольей шапке щеголь гнусный, татарским прищуром на нас глядит и усмехается: «Бродяги жалкие, как смеее вы лгать нам! За князя выдавать убогого пройдоху! Наш солнцекнязь, мы знаем верно это, погиб в бою неравном! Его отпели мы уже! Народ оплакал горе! Княжна-краса-

Рис. Ольги ТРУСОВОЙ

вица потерю неизбывную слезами залила, но жизнь берет свое! И женщине, когда она в соку, негоже быть одной: мы к пиру свадебному уж готовим яства, а вы явились шутики тут шутить, что князь, мол, жив! За шутики дерзкие вам всем, собакам тощим, сидеть на колях и на воротах висеть на корм воронам!»

Мы испугались, что и правда нас примут не за тех, кто есть мы, и придадут жестокой казни. Суровы нравы на Руси. Не заслужили мы такого обращения и молча достаем мечи, готовясь к битве. Но снова тот, что побойчее был среди нас, решил, что время понапрасну терять не стоит. Письмо, рукою княжеской написанное, к стреле он привязал и запустил ее через высокую преграду стен крепостных. Стрела прошла синеву дневного неба, едва лишь солнце не задев, и оказалась в городе родном. И вот, считая все, народ, узнавший княжескую руку, пошел крестовым ходом нам навстречу. И началось братание людей. На площадях брат обнимает брата.

Досье «УГ»

Ильгар Сафат - азербайджанский театральный и кинорежиссер, сценарист, прозаик, поэт. Родился в Баку в 1972 году. Окончил Азербайджанский педагогический институт им. М.Ф.Ахундова по специальности «педагог русского языка и литературы» и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве (мастерская Владимира Хотиненко). Работал на Дальневосточной студии кинохроники в Хабаровске. Его документальный фильм «Корни Неба» включен в библиотеку Американского музея естествознания. Сценарист и режиссер полнометражного художественного фильма «Участок», выдвинутого от Азербайджана на соискание премии «Оскар» в 2010 году. Картина демонстрировалась на многочисленных кинофестивалях, получила ряд международных призов, включая Hollywood Young Artist Awards, California Golden Awards и др. Награжден дипломом правительства Москвы «За вклад в развитие культурного диалога и взаимопонимания между народами». Публиковался в различных литературных журналах. Автор более ста песен.

Армен ВАТЬЯН

Высоко в горах жил один странный Великан. Все великаны были как великаны. С корнем вырывали деревья, крушили горы, сметали скирды и разрушали мосты. А этот очень любил музыку. Иногда он спускался вниз в долину, и тогда крестьяне из окрестных сел могли слышать, как он насвистывает какую-нибудь незатейливую мелодию. Но вид его, как и у всех великанов, был так страшен и ужасен, что люди боялись даже случайной встречи с ним.

Однажды Великан, перекинув через плечо огромную дубинку с трещиной, пошел на поиски подходящего дерева, чтобы сделать себе новую дубину. Он, самозабвенно насвистывая, шел по лесу, время от времени останавливаясь, когда надо было взять чересчур высокую ноту.

Великан так увлекся мелодией, что не заметил лежащего на дороге бревна и, споткнувшись, растянулся во весь свой великанский рост, уткнувшись носом в куст дикой сирени. Он с наслаждением вдохнул аромат сирени и даже попробовал гроздь соцветий на вкус. Вдруг сквозь птичий щебет и шелест ветра откуда-то донесся нежный голос скрипки.

Великан ползком, боясь вспугнуть этот незнакомый доселе нежный звук, вскарабкался на холм и осторожно глянул вниз.

Прямо под холмом находился небольшой домик. На веранде перед разложенными на пюпитре нотами стоял скрипач и вдохновенно играл.

Великан смотрел на маленького скрипача сначала с ухмылкой, потом с изумлением, затем с восхищением. Его грубое лицо выражало то радость, то грусть, то скорбь. Он был весь во власти музыки и, сам

Великан, который мечтал играть на скрипке

того не замечая, подползал все ближе и ближе. А когда наконец скрипач перестал играть, то оказалось, что Великан сидел уже прямо перед верандой.

Скрипач опустил смычок и только сейчас заметил, что не один. Он испуганно отпрянул назад, прижав к груди скрипку, и спрятался за пюпитр. Потом осторожно выглянул оттуда, и лицо его вытянулось от удивления.

По щетинистой щеке Великана катилась крупная скупая мужская слеза.

Скрипач вылез из своего укрытия и осторожно приблизился к нему. Великан зачарованным взглядом уставился на скрипку. Наконец, видимо, решившись, протянул к ней руку. Скрипач растерянно посмотрел на его раскрытую ладонь и нехотя положил на нее скрипку. Она как раз уместилась на огромной ладони Великана.

Великан бережно взял скрипку со смычком и попробовал приложить ее так, как это делал скрипач. Маленькая скрипка затерялась в его густой щетине. Он грустно посмотрел на скрипку, нежно провел пальцем по хрупкому корпусу и молча вернул ее скрипачу. И вид у него был при этом такой удрученный, что Скрипач не выдержал и, быстро вскочив, скрылся за дверью. Через секунду он вышел, держа на руках огромный контрабас.

Великан, увидев такую большую скрипку, которая, казалось, была сделана специально для него, от ра-

дости чуть не раздавил бедного скрипача в объятиях. Потом трепетно взял контрабас и, кое-как приладив его к плечу, осторожно провел смычком по струнам. Послышался густой хриплый бас. Великан убрал смычок и удивленно осмотрел инструмент. Убедившись, что он цел, снова провел смычком. Опять послышался тот же хриплый бас.

Великан знаками попросил скрипача сыграть на своей скрипке.

Тот взял инструмент, и тут же опять полились нежные певучие звуки. И так прекрасны были эти звуки, что Великану на секунду показалось, что это Скрипач настоящий великан, а сам он перед ним всего лишь маленький бездарный карлик.

Великан попытался еще раз сыграть на своей «большой скрипке», но, услышав тот же противный звук, с сожалением покачал головой и, таяжко вздохнув, положил контрабас на веранду.

Скрипач, не зная уже, как утешить Великана, схватил лежащую на пюпитре свирель и, сыграв на ней простенькую мелодию, протянул ему. Однако свирель была настолько мала для Великана, что он не смог извлечь из нее ни одного звука.

Великан в ярости ударил дубинкой по огромному камню, вбив его как гвоздь в землю, и, понурю опустив голову, побрел прочь от домика.

Добрый Скрипач растерянно смотрел, как он удаляется, и вдруг, вспомнив что-то, быстро взобрался по лестнице на чердак. Вскоре он

Досье «УГ»

Армен Ватъян - сценарист, драматург, публицист. Родился в 1950 г. в Кировабаде. Окончил филологический факультет Ереванского института иностранных языков им. Брюсова. Автор сценариев 15 полнометражных фильмов, соавтор ряда сериалов. Автор пьес, поставленных в Москве, Санкт-Петербурге, Ереване. Автор 22 анимационных фильмов, сюжетов для юмористических и сатирических альманахов «Ералаш», «Фитиль», «Бумеранг», ряда документальных и музыкальных фильмов и телевизионных программ. Создатель и художественный руководитель детского юмористического киноальманаха «Гжук» при Армянском национальном киноцентре. Член Союза кинематографистов России.

уже спускался, с трудом удерживая в руках большой барабан.

- Эй! - крикнул он Великану, одновременно ударив в барабан.

Великан в одно мгновение оказался снова у домика.

Он взял барабан, который был весь исцарапан, заляпан краской и к тому же порван с одной стороны.

Великан растерянно смотрел, как удрученный скрипач собирает рассыпавшиеся ноты. Потом виновато улыбнулся и на цыпочках, боясь еще что-нибудь сломать, повернулся и пошел к виднеющимся вдали голубым горам.

Фигура его постепенно уменьшалась, сливаясь с очертаниями гор.

Стукнул по нему для пробы пару раз колотушкой и расплылся в довольной улыбке. Потом, прикинув что-то, развязал пояс и, привязав его к барабану, повесил барабан на шею. Да вот беда: уходя, нечаянно задел ногой пюпитр, который, конечно, тут же развалился.

Скрипач собрал ноты и теперь пытался пристроить их на что-то, что заменило бы ему поломанный пюпитр.

Вдруг послышался громкий топот, и через секунду перед Скрипачом вновь стоял запыхавшийся Великан. Он решительно воткнул в

землю свою сучковатую крепкую дубинку. Потом забрал листы с нотами у Скрипача и осторожно разложил их на сучках. А так как дубинка была уж больно большая - ростом с дерево, то пришлось ему Скрипача поставить на крышу, чтобы тот мог видеть свои ноты.

Скрипач, до этого удивленно следивший за действиями Великана, очутившись на крыше, заиграл на скрипке что-то радостное и светлое.

Великан прислушался к прекрасной мелодии и начал потихоньку насвистывать ее в унисон со скрипкой, одновременно ритмично ударяя колотушкой по барабану.

И - о чудо!..

Сучья на дубинке вдруг стали расти и расти, превращаясь в ветви, на которых тут же появилась листва. Бывшая дубинка прямо на глазах превратилась в красивое дерево с раскидистыми ветвями, сплошь покрытыми удивительными, невиданными цветами!

И слетелись на это дерево птицы со всей округи, а может, и со всего света, и их звонкие голоса гармонично сливались с прекрасной слаженной игрой двух столь разных инструментов - маленькой скрипки и очень большого барабана.

С того счастливого дня Великан перестал казаться людям диковиным страшилищем. Он стал настоящим музыкантом, который иногда даже давал концерты для жителей окрестных деревень. Конечно же, не один, а вместе со своим закадычным другом и прекрасным музыкантом - Скрипачом.

Виктор МАРТИНОВИЧ

Мчались вместе, «скорая» - с проблесковыми - впереди, как ле- докол, разрезая льды пробок, и он за ней, тупо глядя на двери с двумя вертикальными алыми полосками - не иначе как разобранный крас- ный крест. Играла какая-то музы- ка, громко, потому что у него не хватало себя на то, чтобы ее вык- лючить, нужно ведь было подум- ать: выключить радио, выключить радио, протянуть руку к ручке регулировки и выключить радио. Подумать об этом не получалось, потому что все, что могло думать, думало: «Маша может умереть, нет-нет, не так, Маша умирает в этом белом гробу с красными крес- тами, недаром ведь говорят: «На человеке можно ставить крест», это вот этот красный можно ста- вить, и почему они так несутся, если сказали, что шансов совсем нет, дали бы попрощаться, но нет, им, наверное, премия, если паци- ент умирает не в пути, а уже в боль- нице, но нет, не так: они пытаются ее спасти, хлопают над ней белыми крыльями своих халатов». Но все это не так связно, совсем бессвязно и где-то даже вполголоса.

Херувимы в белом не взяли его с собой, потому что не хотели, навер- ное, чтобы он видел и помнил ее смерть - ах как хороша она была, да и потом, она его все равно не узнает, вот так объяснили: «Она вас все рав- но не узнает, она без сознания». Те- перь они везли ее куда-то через ночь, смыываясь от смерти, и он на своем «форде» был замыкающим, и не было той смерти, которую бы он не принял на себя, не связал боем, проскачи она рядом. Самое сложное было - держать дистанцию, он бол- тался на расстоянии вытянутой руки и все тянулся еще ближе, он верил: Маша чувствует, что он ря- дом. Но перед каждым перекрест-

Остановка в пути

ком ноги сами рефлекторно отжи- мали педаль газа - странно было не- стись на красный, а островок, кото- рый пробивал во льдах своей сире- ной, был крохотным, и стоило зазе- ваться, те двери, за которыми там, у подъезда, скрылись носилки с Ма- шей, отрезали равнодушные косяки едущих с работы домой легковушек, и приходилось выворачивать руль, маневрировать между ними, распу- гивая сигналом, и там, уже на пря- мой, выжимать изо всех сил, наго- няя, приближая дверь, за которой ее ладонь, ищущая его тепла.

И вот заладилась, и появился даже ритм, их караван проскочил один светофор, второй - еще на зеле- ный, потом снова черед красных, и вот уже черт знает на каком, метрах в двухстах от перекрестка, и удиви- тельней всего была невероятная неспешность, с которой он прибли- жался: вроде бы скорость, сирена, а вот милиционер выходил на проез- жую часть медлительно, зная, что остановит даже молнию, и действи- тельно, «скорая» умчалась вперед, а «форд», как будто даже против воли водителя, подчиняясь палочке, сдал, сбавил, вильнул к обочине: машина упускала Машину ладонь, ладонь выскальзывала, Маше нужно было быстро, от смерти. Милиционер ока- зался приветливым и веселым.

- Документы, - сказал он, улыба- ясь, помахивая палочкой в такт пес- ни «А я все летала», летевшей из ра- дио, которое никто так и не выключил, а документов не было, как-то не приходит в голову мысль взять с со- бой документы, когда в «скорую» грузят Машу, у которой глаза от-

крыты, а зрачки закатились, и вид- ны лишь белки, а ресницы тщатель- но подкрашены, и ты держишь ее ладонь, а ее вырывают, точно так, как вот теперь ее вырвала вся эта ситуация, эта остановка в пути, и, погоди, ты рассказал это милицио- неру или нет? Он ведь все еще ждет документы? Водитель «форда» по- казал на удаляющийся фургон и умоляюще объяснил:

- Я с ней!

Милиционер еще раз улыбнулся и лихо сдвинул фуражку набекрень:

- Вот это я как раз видел! Превы- шение на 35 километров плюс про- езд на красный свет. Это, если со страховкой все в порядке, тянет на лишение, ла-ла-ла-ла (это он подпе- вал песне «А я все летала»).

И конечно же, все это было сказа- но на инопланетном языке, так как ни слова было не разобрать, ведь все так просто: вот в «скорой» уми- рает Маша, он даже не знает, куда ее увезли, надо было взять телефон у санитаря на случай, если остановят, как же он не подумал, и вроде бы он все уже объяснил, ведь можно ехать, и потянул дверь на себя, собираясь резко рвать с места: там перекрес- ток впереди, гадай теперь, поверну- ли они на Дзержинского или проеха- ли прямо, что там за больница мо- жет быть прямо, наверное, «скорой помощи», а по Дзержинского чет- вертая, наверное, но нет, все «ско- рые» везут людей в больницу «ско- рой помощи», ведь это логично, но что-то не поддавалось, не давало двери закрыться, чужеродный предмет: ботинок милиционера, высокий, со шнуровкой, и милицио-

Досье «УГ»

Виктор Мартиневич родился в 1977 в г. Ошмяны (БССР). Окончил фа- культет журналистики Белорусского государственного университета, ас- пирантуру, защитил в Литве докторскую диссертацию, посвященную ви- тебской художественной школе, написал монографию о витебских годах М.Шагала. Преподает в Вильнюсском университете.

Живет в Минске и Вильнюсе. Лауреат премии им. Богдановича (за роман «Ледяной рай»), вошел в длинный список премии «Национальный бестсел- лер» (роман «Сфагнум»). Пишет на белорусском и русском языках. Последний роман «Мова» назван в Беларуси книгой года по версии издания «Наша нива».

Произведения Виктора Мартиневича переведены на английский, немец- кий, польский, шведский и финский языки.

нер его никак не убирал и, видно, не до конца понял, потому что хохотнул:

- Квалифицирую как попытку неподчинения законным требованиям милиции, дурында. У меня сегодня ПМ с собой, между прочим.

И вот нужен был явно переводчик с людского на этот, но переводчика не было, а потому нужна была еще одна попытка:

- У меня жена там, с ними! Ее забрали! Мою жену. Понимаете? Мне догнать...

- И что мне теперь? Посадить к себе и с эскортом мотоциклистов доставить в больницу? И по пути купить букет алых роз? - Чувствовалось, что для милиционера это самые роскошные и красивые цветы. - Давай, пошли оформляться. Документы нашел? Последнее было ска-

зано с той брутальной серьезностью, с которой о делах заговаривают весельчаки и балагуры.

И последняя попытка, чувствуя, что льды уже сомкнулись, что ледокол ушел прямо в небеса (а ведь была уверенность, что если приедем вместе, ее вытащат с небес в его ладони):

- Она умирает, - причем интересно, что он даже сам себе не поверил, так неубедительно: ну умирает, и что? Тут же проезд на красный и превышение на 35!

- Все мы тут умираем. Правила для всех. И для министра, и для таксиста. Будешь так ездить - сам убьешься и еще людей других убьешь. Давай оформляться.

Оформлялись больше часа, потому что нужно было проверить, действительно ли у водителя «форда» есть права и он их просто оставил дома, а не лишен за нарушения, действительно ли машина записана на него, а он ее не угнал, плюс протокол, плюс объяснительная («Пиши так: осуществлял преследование автомобиля «скорой помощи», пользовавшегося правом преимущественного проезда перекрестков в связи с ездой с включенными проблесковыми, ну хорошо, добавь, в котором совершала движение моя жена в качестве пациента. Все. Все остальное на разборе в городском будешь объяснять»).

Сердце Маши остановилось в тот момент, когда ее перекладывали на больничную каталку во дворе четвертой больницы. За секунду до этого она пришла в сознание и все искала его (или это только так выглядело). Двор был залит слепящими всполохами синих проблесковых, и среди них были какие-то фигуры, и даже одна похожая на него, но нет, другой, а ведь уверена была, что он рядом, и ведь он был рядом, куда же он? Но воля, собранная для этого последнего судорожного всплеска, уже растворялась в вечном штиле, и вскоре остались лишь всполохи синих маячков, не имевшие никакого смысла и звавшие к берегам, которых больше не существовало.

Когда он выскочил из такси в том месте, где она умерла, одетые в белое херувимы решили не рассказывать ему об этом последнем ищущем взгляде, чтобы его не расстраивать. «Умерла, не приходя в сознание», - сообщили ему. А стало быть, не опоздал, нет.

Инна КУЛИШОВА

просто-народный-плач

Едут мальчики выдумывать войну,
на войне выдумывая войну,
убивая, выдумывая...

Хорошо бы найти жену,
да такую жену,
чтобы дочь и ночь были, и дубы, моя

мама-девочка, не разрушены,
сосны созданы, ели сплетены
в плети ста ветров.

Ты прости, что в бок чей-то ранен
 суженый,
нет ребра в нем, нет,
 нет за ним стены,
только сердце-мышь. А в нем - ров.

А за ровом чужая - на разрыв - страна.
А за ревом - боль твоя
как хранилище.

Мама-девочка, ты совсем одна,
не жена и дети твои с Ним еще,

навсегда уже,
навсегда...

Август 2008

* * *

Говорит он деве слово,
 смотрит в очи - блеск маслин,
 ты роди, жена, святого,
 будет он другим как сын,
 а мы станем, а мы станем
 все детьми его, а он,
 он пройдет по нашим тканям,
 склады выпрямив в поклон.

Дева, очи опуская
и вздыхая тяжело,
отвечает: - Где у края
видел ты еще весло?
Не вошедший, это ты ли?

Строчки скручены налегке

Не клонись, не дуй в меха.
Не рождаются святые
без греха.

Нет у ткани того края,
чтоб держать поклон земной.
А как будет нам с тобою
Сын рожден. Не твой, не мой.
А как стану просто телом,
не забывшим естество,
молодым и неумелым
для Него.

Нам с тобою быть святыми,
поворачиваться вспять,
жезлом милостивым Имя
вслед держать.
Это Он придумал, это
для Него. А мы при чем?
Муж - не муж, И Сын без Света
быть не сыном обречен.

Это ночь? Мне кровь казалась.
Значит, дальше нам идти.
Нам с тобой досталась малость
по - Его - пути...
Это тьма? Мне кровь на руки
попадала под Крестом.
И взяла Я на свете
этот свет на свете том.

Февраль 2010

Прикосновение к Грузии

Город-пуст-ни друзей-ни врагов,
все похоже на вместо и вроде.
смерть, как деньги, считает улов,
не у тех узнаешь о свободе.

Нет у буквы стремления вверх,
нет у звука любви - воплотиться,
четвертуется чистый четверг,
отвергая возможность бесстыдства.

Как умыться теперь, не найти рек, несущих не трупы, не горе отражений уже позади жизни. Здравствуй, Боржом и Гори.

Здравствуй то, в чем одета была
закономерно, как сдача пейзажа,
нынче вписанного в тела
в виде почвы, гниения. Кража

дерева, ветки, листа - вот она,
как к петле, приручила к потерям.
Приходящая ночью страна,
юг не даром - радаром доверен.

Если жизнь не нужна,
то жена
будет матерью новым поверьям.

Енисеям не сеять - нестись,
подрезая секирами север.
Стой, стреляй, все равно уже близь
с далью компас бесформенный
сверил.

Стой, стреляй, все равно от огня
не уйти, как от яблока Еве.
Пуль зрачки и слепая броня,
нет пути ни на юг, ни на север.

Повернись, сивка-бурка, собой
не нарадуйся, выйди навстречу,
чингисхановых воинов вой
принимай лошадиной картечью.

Если жизнь не с тобой,
то женой
будет мать неродившимся. Речью.

И не дашь закурить, и не спишь,
не увидев лица на солдате.
Небо - мина для сорванных крыш.
На скале нарисован Гелати.

Матер ь просит защиты Дитяти.

Август 2008

Великий пост

А сейчас надо снова возвратиться к состоянию полипа и расти, расти до медузы породы *Turritopsis**. Это краткий синопсис, открывающий шлюзы

* Медуза *Turritopsis Nutricula* считается единственным на планете бессмертным существом. Достигнув зрелости, *Turritopsis Nutricula* может снова превращаться в молодую особь и способна повторять этот цикл бесконечно. Эти существа умирают, только если их съедят или убьют. По одной из гипотез, клетки в организме таких медуз трансформируются, преобразуясь из одного типа в другой.

где-то к концу. А пока - Антипа,
Пилат, воск на пальцах, страница,

по которой мусолишь бессмыслен-
ным взглядом.

Что касается... Этот всегда
будет рядом.

Да, забыла добавить: говорят,
лишь она одна способна
к бессмертью.
Говорят, еще та порода.

Наверное, потому что может расти,
как взгляд,
от страницы вверх (высота
условна), огонь под клетью
мышц. А как вырвется -
схватит его свобода.

Жаль только, нет у медузы лица -
для творца.
Что касается... Этот будет ждать
до конца.

Февраль 2010

* * *

Киев тоже город тоже река
то же местечко
где и мы бывали издавека
и почти навечно
шли в магазины ели мацу
и красили яйца
даже если пели Отцу не умев
склоняться

А река красота синевою хлещет
тоже держит врата что иной
болеющий
пойманный мяч отпусти говорит
им город
я иду на горсти выпевать простор от
вас не знающих градов
хранящих зелень

Фото Ариуны БОГДАН

«И больше всех лишь ты, Кавказ, звенел загадочным туманом». Сергей Есенин

в небо где огонь не адов
и мир немерен
вот беру я с собой человек
под двести
будем в лодке одной да
не будем вместе
Мы там тоже не ведали пива-меда
Киев город похоже у нас свобода
называется враз и снимает

крышку
со гробов и зараз отхватив
кубышку
кто несет во горсти
свободу вместо
Киев тоже Небо Его Уезда
Февраль 2014

* * *

Говоришь мне, девочка, жизнь
за него отдам,
но Его люблю прежде всего,
и вокруг тебя темнота извивается
здесь и там,

справляет на кухнях, в трапезных
торжество,
искушает праведностью, и укус
ее так смертелен, что даже слеп
тот, кто светел рядом. Но шаг -
готов.

И черты твои заострились, девочка,
и окреп
голос, а Ладонь прожигают угли
неверных слов.
Все мы - раны Его. Но по-разному
не болит.
Но по-разному убивает. А может,
наоборот.
Говоришь мне, девочка,
и я прячу стыд,
что в ответ молчу и в ответ
раскрываю рот.

Этот мир лишь келья. И потолок
голубой и черный, и пол земляной,
нас не спрячут, но выдадут.
Голубок,
голубок ты мой, не лети, говоря:
«Вот Мой...»
А как выдадим мы Его. А как
все сдадим.
Протыкая собою Ладонь, ребро...
Ты иди, родная. И он, любим,
пусть, родной, идет.
И я так люблю его...

Что не знаю рифм ни к чему,
к Нему
больше всех, всего, потому молчу.
Не объять бы тьму. Не объять бы
тьму.
Даже если - слеп. Но зажечь свечу.

Для нее подсвечников нет -
лишь одна душа...

Январь 2010

Досье «УГ»

Инна Кулишова - русский поэт, переводчик, кандидат филологических наук. Родилась в Тбилиси. Окончила с отличием факультет русской филологии Тбилисского государственного университета. Защитила первую в Грузии диссертацию по поэзии Иосифа Бродского. Публиковалась как автор стихов, эссе, статей и переводов в периодике Грузии, России, Израиля, США, Украины, Англии, Польши и научных сборниках России и Грузии. Стихи переводились на грузинский, английский, украинский, публиковались в антологии «Modern Poetry in Translation» (пер. Д.Уэйссборта, Лондон) и «An Anthology of Contemporary Russian Women Poets» (University of Iowa, USA). Автор книг стихотворений «На окраине слова» (Израиль, 2000) и «Фрески на воздухе» (Москва, 2014). Участник международных научных конференций и международных поэтических фестивалей. Член грузинского ПЕН-центра.

* * *

надави на давидовой арфе слова
что не ты виноват и не песня жива
в каждом слогe ты вымахал
перерослов
и тебе не судить берега островов

иудеи горит идумейский огонь
и у деи у боны не римская вонь
и овидий увидел как выстрелил крым
по грузинским горам
из российских глубин

сколько мест сколько зим
и созвучий тупых
стыд стоять запятым за любую тупик
святость тоже прикрытие то же окно
где не ты виноват но поешь все равно

не горим мы еще не горим не горим
был бы ад так масштабу прибавил бы
grim
ан ни рая ни слова ни струн ни крыла
только рамка из арфы как лодка
сплыла

Декабрь 2014

* * *

Отними у меня небо,
мальчик-бомбардировщик,
покажу тебе траву,
зараженную цветом апельсина,
пока ты, красивый, летишь носом
вниз,
только цедра, цедра с меня сползает
красная, и течет сок по земле,
которую не узнать,
от наших переплетенных тел,
ведомых Одному,
нас никто не узнает,
нас никто не узнает
по нашим цветам,
как землю, как солнце,
сжигающее икаров,
и ночи чернеющий ящик
укроет стволы не взошедшего
древа.

Но ты пока спишь,
и у детской кровати...
Но ты пока лишь
начинаешь полет.

Февраль 2015

* * *

никакой поэт на никаком языке
пишу о журавле в руке
о караванных следах на песке
о карнавальной их собаке
строчки скручены налегке
с воздухом на поводке
лодка тонет в реке на г
о зарытом под камнем тенге
о закрытом телесном ске-
лете о Лете как установке
ядерной гадиной накоротке
о керосинной дыре в потолке
поодиночке и посередке
впрыснув задаткам двойное
пирке
чтоб не задались болезнью
в тоске

к черту буду спать на виске
дрыхать выдразнив рифмы к
Господи помоге

Май 2015

Тбилиси. Памятник царю Иберии Вахтангу I Горгасалу (ок. 440-502 гг.)

Фото Ариуны БОГДАН

Михаил ЗЕМСКОВ

Слабоумие

Отрывок из повести

Мы танцевали. Или обнимались, медленно перемещаясь в пространстве. Вечернего парка. Вечернего города. Между деревьев и кустов. Каждое из которых могло неожиданно сбросить листву, нарушить что-то во Вселенной или учинить еще неизвестно что.

Если это все-таки был танец, то он был странным, одновременно похожим и не похожим на будто - медленным, полным внутренней эмоциональности и напряжения тел, но и в то же время гораздо более гармоничным. Мы начали его сразу, как только сошли с аллеи на газон.

Пятый день нашего с Аидой знакомства. Перерыв в занятиях будто. Поэтому вечером мы в парке. Мой телефон отключен.

Я останавливаю движение. Смотрю на лицо Аиды и хочу ее поцеловать. Но она, опустив голову, не позволяет.

- Я хочу тебя. Поехали ко мне? - говорю я.

- Это очень много сейчас.

- В каком смысле?

- Иногда мне кажется, что я не понимаю, зачем нужен секс. Он ведь так обесценивает, так загора-

живает собой все. Это все равно как если ты изучаешь роспись по телу, тонкие узоры и штрихи, и вдруг в этот момент на тело выливают банку с белой краской. Точно так же после секса исчезают все тонкости и нюансы. С некоторыми людьми мне достаточно одного пожатия руки, одного взгляда, чтобы наполниться ими и переживать их внутри снова и снова всю жизнь. Я не могу себе представить, что было бы, если я вдруг после этого позанималась с ними сексом. Это было бы разрушением всего.

- А со мной? Чего тебе достаточно со мной?

- Пока не знаю. Пока я многого с тобой не знаю. Я долго переживала наши касания руками и твоё горло с душой. Может быть, мне их одних хватит на всю жизнь... Наше совместное будто... Чтобы пережить это, мне тоже понадобится очень много времени, невероятно много времени. Секс с тобой сейчас - это будет безумством. Это все разрушит, как в мясорубке, перемелет всю точность и тонкость переживаний. А точность и тонкость ощущений и переживаний - это то, что мне очень нужно как актрисе, и то, что я больше всего боюсь потерять.

Не показывая разочарования, я погладил ее по плечу:

- Я тоже долго переживал наши касания и наши танцы. Это было необыкновенно прекрасно. Но мне кажется, что секс и усиливает ощущения, делает их острее и глубже.

Аида высвободилась из моих рук.
- Солнце садится, - и пошла на встречу ему по поляне. - Хочу стать солнцеедкой. У меня есть знакомые - они питаются только солнцем. Смотри на него, - она обняла меня сзади и повернула прямо против теплых мягких лучей. - Чувствуешь, как от него идет прана?

- Прана?

- Энергия, которой заполнен этот мир. Солнце - один из основных источников праны для землян. Вечером она особенно густая и добрая. Ты это чувствуешь?

- Да, что-то чувствую. А как эти твои знакомые солнцем питаются?

- Обыкновенно - как у Чуковского, помнишь: «Крокодил-крокодил солнце в небе проглотил», - усмехнулась она. - Хочу так же. По-моему, это очень разумно и экологично. Не нужно тратить деньги на еду. Не нужно мыть посуду. Никаких отходов. И никаких голодающих Африки. Только крокодил тогда опередил свое время. Его не поняли, избили. Не помню уже кто - медведь, по-моему, его поломал и бока ему помял. Это консервативное монструальное общество никогда не принимало прогрессивных индивидуальностей, опережавших время. Не зря это был медведь - символ дремучести, лени и отсталости.

- И России, - вставил я. - Нет, в самом деле, Расскажи, мне интересно. Они ничего не едят, что ли? Только солнечную энергию?

- Да, стоят перед солнцем и смотрят на него. Солнце активизирует у них работу эпифиза - железы, которая находится в мозгу и в которой, как до сих пор многие считают, находится душа. Под воздействием солнечных лучей эта железа начинает выделять какое-то особое вещество, которое питает и душу, и физическое тело человека, и еда ему больше не нужна.

- По-моему, это бред. И долго они уже так, на одном солнце?

- Один - три месяца, другой - год.

- И до сих пор живы?

- Я не знаю, кого называть живым.

Многие из тех, которых принято называть мертвыми, мне кажутся жи-

Досье «УГ»

Михаил Земсков - прозаик, драматург. Родился в Алма-Ате в 1973 году. Окончил механико-математический факультет КазНУ, сценарно-киноведческий факультет ВГИКа (мастерская В.И.Ежова).

Автор книг «Перигей» (Вагриус, 2008), «Сектант» (Эксмо, 2010), «Когда «Мерло» теряет вкус» (СаГа, 2013), многочисленных публикаций в казахстанских и зарубежных литературных журналах и сборниках.

Лауреат «Русской премии-2005» за сборник повестей и рассказов «Алматинские истории». Лауреат конкурса монопьес «Человек» (2007) за пьесу «О любви к Чайковскому». Член Союза писателей Москвы.

Основатель и руководитель Открытой литературной школы Алма-Аты (действует с 2009 года по настоящее время).

вее, чем абсолютное большинство тех, которых принято называть живыми. По-моему, тебе хватит солнца. А то еще объешься, и будет расстройство эпифиза, - она прикрыла мои глаза руками.

- Наступила темнота - не ходи за ворота. Детские стихи иногда экзистенциально жутки. Может, это специально - психологическая подготовка к экзистенциальному ужасу этой жизни?

- Я думаю, ты преувеличиваешь ужас жизни. Точнее, концентрируешься только на темном. Но в ней ведь есть и много прекрасного.

Обнявшись, мы шли к выходу из парка.

- У нее был фотофильтр, который оставлял на изображении только черный цвет. Ты это хочешь сказать?

- Хочу раскрасить этот фотофильтр во все цвета радуги. Но еще я хочу сказать, что темное в этой жизни - это повод стать сильнее, чтобы бороться с ним и победить. Например, меня неприятности обычно вдохновляют - для того чтобы со-

- Это забавно, - усмехнулась она.

- Что именно?

- Это все... Нападения, отступления, стратегии, тактики... Столько суеты для такого короткого промежутка времени перед черной бездной вечности.

- Каким бы коротким он ни был - это все, что у нас есть. И хотя бы на нем я хочу быть победителем, а не проигравшим.

- Кто на улицу попал - заблудился и пропал.

Из темного тихого парка, в котором можно было потрогать любое дерево и убедиться в его реальности, к шумному, залитому огнями фонарей, размытому и не поддающемуся осязанию проспекту.

- Только раки пучеглазые по земле во мраке лазают. Да в овраге за горою волки бешеные воют, - Аида продолжала читать детские стишки.

Я временно поменялся машиной с Андреем - своим институтским другом. Он ничего не понял (впрочем, я почти ничего и не объяснял), но, не скрывая радости, сел за руль моего «Lexus». Я сел за руль его «Daewoo»...

- Пустота.

- В смысле?

- Вакуум. Один знакомый физик для меня сделал.

- Зачем?

- Средство первой психологической помощи. Она меня успокаивает.

- Колба с вакуумом?

- Пустота. Когда осознаешь рядом с собой абсолютную пустоту, это очень отвлекает, и беспокойство исчезает.

- Ты сейчас нервничаешь?

- По-моему, да. Когда я рядом с тобой, у меня часто ощущение, как будто маленькие невидимые мышки покалывают меня мелкими иголочками.

Я погладил ее по коленке:

- Сколько их сейчас раздавил?

Она быстро глянула на меня и усмехнулась. Я вырулил к обочине и остановил машину. Сел вполоборота к Аиде, чтобы лучше ее видеть. Она тоже повернулась ко мне, продолжая держать в ладонях колбу. Мы оба замерли в таких позах и только смотрели друг другу в глаза. При этом во взглядах было столько всего, что мне казалось, дрожащиеся радужные оболочки глаз Аиды сейчас либо взорвутся, либо выскочат из глазных яблок, оторвутся от нее и станут жить сами по себе. Наверное, что-то подобное она видела в моих глазах. Мы как будто целовались взглядами и обнимались душами. В тот момент мне казалось, что действительно не нужно никаких более грубых движений рук, ног, физических тел. Только оставаться как можно дольше в этом пространстве самых тонких ощущений, ничего не проговаривая и не делая.

Мы просидели так довольно долго. Потом Аида тихо сказала:

- Извини, мне нужно домой. Мама ждет меня. Нам сегодня нужно созвониться по скайпу с родственниками в Польше.

- У вас там много родственников?

- Нет, - сухо ответила она.

Я завел машину, и мы поехали в сторону ее дома.

- Хочу познакомиться с твоей мамой, - вдруг сказал я.

- Зачем? - настороженно и неожиданно холодно спросила Аида.

- Просто так...

- В знакомстве с моей мамой нет ничего интересного. В детстве она побеждала во всех олимпиадах по математике, в которых участвовала,

браться с силами, нарастить мышцы, дать ответный бой и победить. Я еще в школе сказал себе однажды: «Я всегда буду только победителем». И с тех пор моя стратегия - никогда не отступать. Точнее, делать только тактические отступления, чтобы набраться новых сил и снова вступить в бой и победить.

Но зато теперь, когда мы с Аидой ехали по городу, она была спокойна. С улыбкой смотрела на меня, что-то говорила или слушала.

Вдруг достала из своего рюкзака стеклянную колбу, зажала ее в ладонях.

- Что это? - спросил я. Колба оказалась запечатанной.

Рис. Ирины Зотовой

после чего стала всю свою жизнь представлять как бесконечную череду каких-то турниров. Хуже всего то, что она считает себя проигравшей все самые важные матчи.

- У тебя сложные отношения со своей мамой?

- Нет... У нее сложные отношения со мной. Я ее главный проигранный матч...

Молча проехали три светофора.

- А мои родители - простые советские люди, - сказал я. - Обыкновенные честные работяги, отдавшие всю жизнь государству, которое ничего не может дать им взамен, кроме нищей подачки, называемой пенсией.

- Ты часто с ними разговариваешь?

- Не так часто, как хотелось бы. Но раз в неделю созваниваемся. Они живут в Караганде.

Молча проехали два светофора.

- Ты обещал рассказать мне о своей избранности. Ты уже готов к этому?

- Пока нет, - улыбнулся я. - Если честно, я не верю в гениев. Верю в труд. Если усердно работать, то обязательно чего-нибудь добьешься. Вот и все. Поэтому, когда ты мне ска-

зала об избранности, это было чем-то новым для меня, я никогда об этом не думал. Но сейчас на будто я начинаю чувствовать некоторые необычные вещи о себе. Так что, возможно, через несколько дней я буду готов к тому, чтобы рассказать тебе, какой я гений.

- Гениальность и избранность - разные вещи. Ты сам решаешь, что ты гений, но избирает тебя Вселенная. При этом одно без другого работает плохо.

- Откуда ты все это знаешь?

- От Вселенной.

- Ты тоже избранная?

- Нет, у меня с ней более сложные взаимоотношения.

Подъехали к ее дому, остановились на парковке во дворе.

- Зачем я тебе? - спросила, словно всхлинула.

- Ну... Не задавайся такими вопросами, малыш. Сейчас мне трудно представить, как я мог существовать без тебя.

Аида грустно улыбнулась.

- Слова такие странные... Никогда не сможешь сказать больше, чем слова. Но их так мало в этом мире. Это ужасно. И еще ужаснее понимать, что человек напротив тоже

никогда не сможет сказать больше, чем это малое количество слов, и ужасно ощущать эту инвалидность.

- Что с тобой? Что ты имеешь в виду? - я погладил ее по щеке.

- Ты только не обижайся. Это не о тебе, а о словах. С ними я такая же инвалидка, и часто кажется, что лучше без них...

- А зачем я тебе?

Она посмотрела на меня и не ответила.

Мы вышли из машины, обнялись.

- Мне нужно идти... Пока... - оттолкнулась от меня, привычным прощальным движением ткнула носом в грудь - клюнула, потом вдруг в быстром порыве поцеловала меня в губы и тут же отпрянула. - Сейчас мыши заколют меня до смерти... До завтра... Я пока не знаю, зачем ты нужен мне, но знаю, зачем я нужна тебе.

Она отошла на шаг, продолжая держать меня за руку.

- Зачем?

- Быть фокусирующим ретранслятором Вселенной, направленным на тебя.

- Что ты имеешь в виду?

Она улыбнулась.

- Вселенная - это безграничный океан любви, а мы только фокусирующие передатчики-ретрансляторы. Сейчас случилось так, что Вселенная через меня транслирует на тебя много любви. Надеюсь, ты получаешь все, что я должна переслать, - она еще раз быстро поцеловала меня и снова отпрянула. - Быть ретранслятором, когда через тебя проходит вся вселенская любовь, - это необыкновенно... До завтра...

Развернулась и быстро зашагала к подъезду. Я наблюдал за ее удаляющейся фигуркой, ожидая, что она обернется, но она не обернулась. Скрылась в подъезде, потом мелькнула в окнах лестничных пролетов.

Сев в машину, я достал телефон, который бросил в бардачок, перед тем как пойти с Аидой в парк. И только включил его, моргнул значок новой эсмэски (архив показывал еще несколько пропущенных за вечер звонков и эсмэсок). Я быстро вошел в меню, ожидая увидеть сообщение от Аиды. Но сообщение было от Лии: «Привет! Как дела? Соскучилась. Увидимся завтра?»

Я бросил телефон на соседнее сиденье, завел машину и поехал домой.

За нами глобус Земли

Brothers in arms

Мне кажется, я проснусь, если кто-то станет колдовать травинкой над моим лицом, обязательно проснусь, чтобы выключить титры «Меланхолии», перевернусь на другой бок, когда он увезет ее после свадьбы, успею открыть глаза за минуту до самой беды и сделать все, что обязан.

Притворюсь рядом спящим, когда тебе захочется побыть одной, сползая в замершей машине, все равно буду видеть оркестр, я всегда просыпаюсь быстрее будильника, эта странная привычка не перестанет преследовать меня.

* * *

На дальней станции с ума сойду
учителем химии.

Недостаток реактивов и для опытов тоже.

От гипотетической возможности публикации в «Новом мире» и вывода о количестве сторон света, коих оказывается четыре.

Не знаю даже, чего в них больше, любви или жалости.

Доброе слово и кошке приятно - говорит актриса Доронина.

Каждая вторая - Дарёнка.

Каждый - дед Кокованя - спрятанное красное знамя.

Зачем в городе пять лет учился на еврея?

Все ж и так понятно.

Modern Talking

Был у нас в школе школьный подвал, там дискотека, бар, паленую водку пили. Я Черри леди с Салтыковым замиксовал, чего некоторые мне до сих пор не простили.

А как я вас в университете любил!

Вашу Арабиан Голд и Сероглазого рыцаря Ахматовой.

Остальное меня вообще не вставляло, только уж больно вы на фотках были лохматые.

В общем, у меня юбилей, дорога оплачена.

Будет куча старых друзей, девочки, дача.

Так что давайте в марте ко мне... на гастроли.

Простите Юрий, боюсь, не получится Дитер болен.

* * *

Эти трогательные чашечки за надписью «Руками не трогать» лучше, и в правду, не трогать.

Гид помнит, как из них пила маленькая принцесса,

еще до того, как стать могущественной королевой,

уничтожившей свой народ.

Юрий СЕРЕБРЯНСКИЙ

* * *

Все то, к чему мы вместе шли,
и по отдельности когда-нибудь хотели,
столклось в минуты,
сцифровалось в дни,
сцедилось.

Убежало кофейком дождливых воскресений.

Два раза обмоталось вокруг шеи,
махнуло в гаражи.

Там, отдышавшись мышью,
собралось.

Перебежало кошкой.

Спустилось джентльменом с тростью
по ступеням.

Ушло из вида,

спрятавшись в альбом для марок.

Давно утерянный на чердаке

на тему «Космос».

Набухло стаявшей в конце зимы сосулькой,
проросло.

Шершавым деревом с плодами в полкило
нас окружило.

Кажется, что за тысячи лет в казахских степях ничего не изменилось

* * *

Страх не любит,
когда гуляют по его лесу.
Далеко обходя деревни,
я спущусь в метро.
Все, что нужно мне,
современному человеку,
я куплю,
замолю,
посмотрю в кино.

фото с сайта: surfingbird.ru

Озера Кульсай называют голубым ожерельем Северного Тянь-Шаня

Яблоко (на правах стихотворения)

Знаешь, я не дам тебе это яблоко.
Оно вкуснее, чем ты любишь.
С расстояния вытянутой руки оно кажется мне
зеленым, но по мере приближения к лицу я, к ужасу
своему, начинаю различать на его поверхности
континенты.
Со всеми географическими необходимостями.
Но обратного пути уже нет, и я откусываю Африку.
У нее отчетливый привкус хорошо прожаренного,
но все же жестковатого, то ли зебриного, то ли
буйволиного мяса. После Африки в горле осталось
неприятное ощущение сухости, и, чтобы подавить его,
я открыл пошире рот и откусил Азию целиком.
Карри, пожалуй, было многовато, но зато перца в
самый раз.
В зубах застрял кусочек Гималаев, и я выковорил его
самым неприличным образом, используя средний
палец и сделав зверское выражение лица. Европа
показалась пресноватой, и я тут же заел ее салатиком
из бразильской сельвы, заправленным маслянистой
Амазонкой.
Когда в моей руке остался только огрызок, я понял:
Боже! Я сожрал мир!
Вместе со всеми этими великими людьми: Бэтменом,
Человеком-пауком, Карлом Лагерфельдом и Оззи
Осборном. Хотя его я бы все равно рано или поздно
съел за то, что он сделал.
Я поднес огрызок близко-близко к глазам. Настолько
близко, что разглядел на кончике черенка тебя и меня.
Нас двоих.

* * *

Это немного похоже на счастье,
только не счастье,
такое несчастье, что и в словах сказать
невыносимо.
Невыносимо - не выноси.
Кур из избы,
дым из трубы,
рыб из привычной им водной среды.
Жди терпеливо, не жри торопливо,
вон дети твои, убого-сопливы,
скачут по полкам, как мелкие блохи
по кистеперым версальским заколкам.

* * *

Воспоминания о послевоенной Японии:
сердце мое в огне,
сердце мое в агонии.
Я куплю билет,
я сделаю визу.
С тех самых пор я ничего не вижу.
А страх,
все, что вы готовы принять за страх,
Лишь удивление
в детских,
больших,
мультипликационных
моих глазах.

Абстрактная война

Во время войны танки заправляют кровью.
Танк много жрет -
это скажет любой офицер.
Офицер много жрет -
это скажет любой солдат.
Солдату главное услышать команду «Вперед»,
важно: пуговицы в ряд.
За нами глобус Земли,
два раза по часовой,
и ни шагу назад.

Досье «УГ»

Юрий Серебрянский родился в Алма-Ате. Окончил Казахский национальный университет имени Аль-Фараби по специальности «химик-эколог». Публикуется в российских литературных журналах с 2010 года. Главный редактор журнала польской диаспоры в Казахстане «*Almatynski Kurier Polonijny*». Лауреат «Русской премии» в номинации «Малая проза» 2010 и 2014 годов. Живет в Алма-Ате и в Гданьске.

Елена КЛЕПИКОВА

- Безрукова! Ты из этого пушечные ядра лепить собралась?! - Халида воинственно ткнула кулачком в серый, больше похожий на булыжник комок теста. На поверхности остались едва заметные ямки от костяшек пальцев.

- Чёй-та сразу Безрукова?! - Марта оскорбилась. - И не ядра вовсе. Лагман...

- Ну да, из такого только лагман и получится.

Как произносится слово «л*гм*н»? По-русски «лагман». Твердое, жесткое слово. А по-уйгурски это же слово звучит нежно, мягко «лягмя-ан» - как утиным пухом по щеке. Первая гласная произносится почти как «я», но без «й», а с легким придыханием, далеким эхом. Вторая долгая гласная переключается с этой воздушной «а». Чуть ближе, но все равно, нет, не «а». Пожалуй, точнее, обратное французское «е». На высоком небе.

«Лагман» - обыкновенная лапша с подливкой.

«Лягмян» - пища богов. Лягмян бывает разный: просто лягмян и лягмян второго дня, лягмян суйру, лягмян гуйру, лягмян лазру, - и никто не знает точно, сколько видов есть еще.

«Мы дети галактики» - пелось в одной песне. Сейчас песню смело можно перепеть, заменив галактику на Интернет. В Сети есть все, в том числе рецепты любого лягмяна. И приспичило же Марте поразить домашних, приготовив на ужин лягмян-лазру¹. Но Сеть - это одно, а действительность - совсем-совсем другое. Приготовить дома настоящий лягмян, если ты не уйгурка и не впитала тысячелетний опыт приготовления даже не с молоком матери, а с

Лягмян

Из цикла «В городе яблок»

молоком тысяч матерей, невозможно. Получится просто лапша с подливкой. Вкусная лапша. Очень вкусная лапша. Очень-очень вкусная лапша. Но не лягмян.

Намучившись с тестом, Марта нашла выход - набрала номер верной подруги и отчаянно закричала в трубку:

- На помощь, Халида!

- Что стряслось?

Давясь слезами, Марта рассказала, что муж повез приехавших в гости из Германии друзей в горы, а она решила к ужину приготовить что-нибудь вкусное, незабываемое, необычное и в Германии не виданное. Казахский бешбармак и узбекский плов гости уже ели. Вчера она готовила корейский суп-кукси. Сегодня захотелось сделать уйгурский лягмян. И такая незадача - никак не получается то, что должно получиться.

- Не реви, сейчас приеду.

вильная, ровная-ровная. Пирамида Хеопса без острых граней. Сверху на нее упали облака и солнце - выпущенные на волю из яичной скорлупы белок и желток. Халида присыпала желток мукой и слегка надавила - солнце брызнуло золотыми каплями. Халида непрерывно и нежно перемешивала муку. А потом настала очередь воды. Совсем немного солевой воды из расписанной оранжевыми узорами пиалы. И еще немного. Еще. Еще. Мука впитывала воду, комочки постепенно превращались в однородную упругую массу. А Халида все месила. Она вынула шар теста из джаура, шлепнула, как младенца - акт рождения, и начала вымешивать на доске. Микрокосм и макрокосм в одном комке. Тесто под руками принимало причудливые формы - изменение земного шара, подвижки континентов, рождение гор.

Халида тщательно, как старый доктор в далеком детстве, вымыла руки. По кухне будто пронесся забытый запах земляничного мыла, вытерла полотенцем, сказала тихо:

- Джаур я свой привезла...

Мука, яйца, пиала с водой, соль: продукты, пропорции - все ерунда. Главное - джаур. Тазик, в котором самое меньшее три поколения бабушек, тетюшек, сестер и матерей заводили и вымешивали тесто.

Халида просеяла в джаур муку. Горка получилась опрятная, пра-

- Все пока, - устало выдохнула Халида. На висках выпали росинки пота, выступили под кожей голубые ручейки вен. Тесто она прикрыла полотенцем. - Пускай отлежится часок. Пошли чаю попьем.

На балконе в ящиках буйно цвела герань. Красные, белые и розовые шапки пряно и резко пахли. Марта оторвала листок, покрутила за ножку:

- Никак к запаху не привыкну, клопомор какой-то. Но цветы красивые, - и повторила-пропела: - Краси-и-и-вы-е-е-е.

¹ Лягмян-лазру - «ля мян» - тянутая лапша. Лазру - мясо, лук и полугорький перец, нарезанные крупными пластинами и обжаренные на большом огне.

Подруги сидели на полу на плетеной циновке, между ними стояли чайник, две большие фаянсовые кружки, плетеная корзиночка с печеньем. По синему небу лениво ползло пухлое «зефирное» облако. Внизу на детской площадке скрипели качели и звенели веселые голоса.

- Самовара не хватает, - Халида поднялась, перегнулась через перила. - Слушай, во что они сейчас играют?

- Да ни во что, - отозвалась Марта. - Где им играть по-нормальному? Весь двор машинами забит. Горка, качели, турник. Для малышни вон песочница.

- А помнишь, как мы играли? И в штангер, и в выбивалы, в прятки, в догонялки...

- В «кОндалы закованы», в «море волнуется раз...», в пинуши, - подхватила Марта. - Я тут дочке попыталась про наши игры детские рассказать, а она меня пожалела: «Бедненькие, компьютеров у вас не было».

Подруга засмеялась:

- Вот такие мы бедные-несчастные-бескомпьютерные! И игрушки у нас были к полу прибиты, и конфеты деревянные! Ладно, пошли работать. Тесто дошло.

Халида протерла ладони подсолнечным маслом, оторвала от теста кусочек, сминая и подкручивая, вытянула в колбаску. Толстенькую, длиной с карандаш. Положила на сосновую столешницу. Снова протерла ладони маслом, оторвала следующий кусочек, спросила:

- Что ты ревела? Не из-за теста же...

Марта тоже протерла ладони маслом и, точно копируя движения Ха-

лиды, слепила тестяную колбаску:

- Светку Кириченко помнишь? Ночью звонила из Белгорода. Она к себе пожить людей взяла - бабу и троих детей...

- Знакомые?

- Нет. Просто беженцы. Страшно.

- Страшно.

Вместо куска теста на столешнице ровными рядами лежали одинаковые колбаски. Халида взяла самую первую за кончики, покрутила в воздухе, как скакалку, легонько шлепнула об стол, положила. Тесто истончилось и удлинилось - из колбаски превратилось в отрезок «бельевой веревки». Марта потянулась за колбаской.

- Не трожь, я сама, - Халида выверенными движениями брала колбаску: вшших-вшших-вшших-шлеп и на стол укладывалась новая заготовка. - Помнишь, ты папины стихи переводила... Почитай, а?

Марта прикрыла глаза, подумала, заговорила неспешным речитативом, строка за строкой. Халида все быстрее и быстрее крутила тесто.

*...Если сможешь, свои
ты сомненья отбрось.*

*Помоги кому нужно
и слабых всегда защити.*

*Ни к кому постарайся
не чувствовать злость -*

*Делай только добро
и без гнева по жизни иди.*

Слова звучали, простые вечные истины оживали вместе с ними: вера в добро, вера в разум, вера в

Рис. Екатерины ИВАНОВОЙ

человека. Марта закончила читать, Халида бросила на стол последнюю «веревочку», не поднимая глаз, быстро вышла из кухни. «Переживает, опять отца вспомнила», - подумала Марта. С улицы летели крики:

- Я выше качаюсь!

- Нет, я!

- Я! Я! Я!!!

- Я лечу-у-у!

На подоконник с ветки спорхнул скворец, посмотрел на Марту искоса круглым глазом, попрыгал и вдруг неожиданно радостно засвистел мелодию из популярного сериала. Вернулась Халида, глядя в пол, сказала:

- Не сердись за Безрукову. Хапа болман...²

- Да я и не обижаюсь, - засмеялась Марта. - Это ж правда - не умею я тесто тянуть.

- Так учись. Это просто. Делай, как я. Помнишь, как мы в ниточки играли?

Марта кивнула. Халида взяла заготовку-«веревочку», слепила концы, получившееся кольцо накинула на пальцы, развела ладони в стороны. Неуловимым движением сделала подхват, снова развела ладони, и между руками появилась двойная восьмерка из вытянутого в ниточку теста. Марта старательно повторяла движения подруги, и у нее между ладонями возникла точно такая же двойная восьмерка.

Бесконечность в руках Халиды, бесконечность в руках Марты. И Марта поняла - страх развеется, как дым, и трава останется зеленой, небо - синим, за окном будут звенеть детские голоса. Хрупкое равновесие мира не нарушится, пока они вместе тянут лягмян.

² Хапа болман (уйг.) - не обижайся.

Досье «УГ»

Елена Клепикова, прозаик, детский писатель, эссеист. Окончила специализированное отделение исторического факультета Казахского государственного университета, литературные курсы ОФ «Мусaget». Работала в Центральном государственном историческом музее РК, Центральном государственном архиве кинофотодокументов и звукозаписей.

Автор книг «Жизнь во сне по отрывному календарю», «Алма-Атинские быльки», «Тричастие», «Пан Тырц и Мурзик», «Истории Кота Патрика».

Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и казахстанской литературной премии «Алтын калам», призер X Международного литературного конкурса детских писателей «Дарабоз-2015» (Казахстан), лауреат международных литературных премий и конкурсов, проводившихся в Германии и России, победитель 1-го Всероссийского конкурса писателей, пишущих для детей, «Желтая гусеница: полеты во сне и наяву». Рассказы и сказки переводились на хинди, немецкий и английский языки.

Любить

Когда тебе уже к семидесяти, жизнь изменить нельзя. В таком возрасте редко женятся, редко выходят замуж, почти никогда не заводят друзей и не начинают новых проектов.

Тебе все труднее засыпать по ночам, а еще труднее пробуждаться, когда в мгlistых рассветных сумерках ты лежишь на своей кровати и понимаешь, что пора бы вставать, сна больше все равно не будет, но не встаешь, ибо нет сил... Нет сил подниматься и снова продолжать жить, совершая заученные, необходимые, а уже осточертевшие движения. И совсем уж тоскливо, положив свою сиротскую порожнюю руку на сопредельную плоскость супружеской постели, ощущать рядом холодную, не согретую любимым телом пустоту, которая была же когда-то местом счастья, заботы и любви...

Елизавета Петровна нежно погладила прохладную простыню возле себя, повернулась и обняла пахнущую стиральным порошком подушку, лежащую рядом. С тех пор, как муж ушел, ей хотелось видеть рядом с собой хотя бы место его, оставляемое неизменным, и вот уже почти два месяца она упрямо продолжала застилать его супружескую половину и класть на его сторону подушку со сменяемой ежедневно наволочкой. Муж ушел навсегда, и не осталось у нее даже счастья думать, что он ушел в какое-то другое земное пространство, не важно, куда, не важно, к кому, просто ушел и продолжает жить, улыбаясь, но ведь нет, нет этого маленького кусочка счастья, ибо ушел он туда, откуда уже не возвращаются, а только шлют невнятные приветствия своим близким, являясь им в снах и грезах. Два месяца без человека, с которым прожита огромная жизнь, а в ней, в жизни этой, было столько всего: сначала, до него, послевоенное голодное детство в заштатном Козельске, рядом с Оптиной пустыней, где за монастырскими стенами стояла воинская часть, потом нищая городская школа и следом ледяная зимняя ремеслуха в соседней Калуге... Почти сразу же после ремеслухи - первый бетон в фундамент КамАЗа, вагончики да сарайчики,

где знакомились, влюблялись и женились молодые энтузиасты советских строек... Здесь и встретила она своего любимого бетонщика, классического комсомольца начала семидесятых - могучего чубатого красавца, который сразу взял ее своею молодецкой удалью, веселым нравом и тихой застенчивой нежностью. И с тех пор - больше сорока лет - по одной тропинке... Как можно забыть этот совместный путь, в котором были, впрочем, как и у всех, рождения детей и смерти родителей, болезни, трудности, безденежье и, конечно, праздники, обычные советские праздники, которые не считались тогда идеологически правильными, как нынче, и отмечались скромными застольями и седьмого ноября, и первого мая, не говоря уже о прочих. Жили трудно, но оливье или винегрет всегда были на праздничном столе, и селедка под шубой - самая демократическая закуска в мире, и румынские маринованные огурчики, и, конечно, заначенные задолго до заветной даты рижские шпроты, а то и бережно хранимая в холодильнике баночка красной икры... Было, все было... И таким странным казался Елизавете Петровне этот звучащий в прошедшем времени глагол, что она уже и не могла более верить в прошлое, и не замечала непонятного настоящего с его бесконечно убыстряющимся

Владимир ЛИДСКИЙ

ритмом, с его какой-то не поддающейся осмыслению скоростью, с его новыми людьми - недоброжелательными, грубыми, озлобленными... И тоска ее от этого еще усиливалась: нет места на земле, где она могла бы обрести пусть не счастье, а хотя бы покой, чтобы освободиться наконец от мучительной боли, которая, схватившись сердце когтистой лапой, давит и давит и не дает мгновения, чтобы вдохнуть спасительного воздуха, чтобы хоть судорожно, хоть не полной грудью сделать этот целебный глоток... Уж и слезы за те дни, в которые его не было рядом, иссякли у Елизаветы Петровны, и только воспаленные глаза ее горели сухим горем и глядели на окружающих колюче, с укором и с каким-то непонятным ей самой осуждением, как будто бы все встре-

Досье «УГ»

Владимир Лидский (Владимир Леонидович Михайлов) - поэт, прозаик, драматург, историк кино. Родился в 1957 г. в Москве. Окончил ВГИК, сценарно-киноведческий факультет.

Автор романов «Русский садизм», «Избиение младенцев», повестей, рассказов, пьес, двух сборников стихов и нескольких киноведческих книг.

Лауреат «Русской премии», премий им. Алданова и «Вольный стрелок: Серебряная пуля» (обе - США), премии «Арча», драматургического конкурса «Действующие лица». Финалист премий Андрея Белого, «Национальный бестселлер», Волошинского конкурса (проза и драматургия), конкурса «Баденвайлер» (Германия), лонг-листер премии «НОС» и др. Пьесы поставлены в московском театре «Школа современной пьесы», Орловском государственном театре и на других сценах.

Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», альманахе «Менестрель».

Член Союза кинематографистов Киргизской Республики.

Живет в Бишкеке.

ченные ею прохожие, все родственники, знакомые, соседи были виноваты в том, что ее дорогой Николайка покинул привычный мир... День за днем перебирала она в памяти последние перед его уходом две недели: он лежал в больнице и мучился, и ему ничем не могли помочь, кололи болеутоляющее, ставили капельницы... И ведь она тоже ничем не могла помочь, это острое, обидное чувство отчаяния захлестывало ее и порождало новое отчаяние, и так эта штормовая волна безнадежности, увеличиваясь в размерах, все наступала и наступала, неотвратимо, безжалостно и наконец накрывала ее полностью, с головой, надежно и плотно, так, что не было уже ни малейшей надежды выбраться, выплыть и выползти на берег.

Она сидела возле окна в своей питерской квартире и с тоской вглядывалась в серые городские будни, заштрихованные зыбкими линиями едва морозящего дождя, и думала, думала, думала... Хорошо бы в деревню, думала она, ведь там лес, речка, дружелюбные деревья, приветливо шелестящие пахучей листвой, там почерневшие от времени избы, сложенные из вековых бревен, которые медленно нагреваются днем на солнце... Поехать разве в деревню, может, там душа хоть немного уймется, успокоится да перестанет болеть... Но куда, куда ехать? Родственников или друзей ни в одной деревне нет... Как перекасти-поле жили всю жизнь по великим стройкам, и вот как-то так случилось, что все, с кем подружились за годы, - в городах, а дети - в Москве... Она все смотрела в дождь, провожая взглядом бегущие по лужам машины, всматривалась в темнеющие на глазах улицы и снова думала, думала... В любую деревню, в любую, в любой дом, на постой к кому угодно, к знакомым, к незнакомым - все равно...

Вдалеке, над сумеречными районами центра, накрытыми мутной световой шапкой, мелькнул серебристый зигзаг молнии и выхватил из морока дождя кресты городских храмов, следом загрохотал гром, и Елизавета Петровна перекрестилась... Да вот же, вот, подумала она радостно... Пустынь! Оптиная пустынь! Самый лучший во всем мире монастырь, несчастный, разрушенный, но восставший из пепла, чудное и чудотворное намоленное мес-

то, где есть и чистые источники, осененные именами подвижников веры, и животворный лес, и святая земля, к которой нужно лишь прикоснуться, чтобы взять силы и избавиться наконец от отчаяния и боли... И родной Козельск, где стоял - и стоит! - отчий дом, пусть утраченный ради новых жильцов и потесненный современными многоэтажками, но оставивший память по себе, которую невозможно же стереть...

Вот куда надо поехать... И ведь это просто...

Она тут же коротко собралась, поехала на вокзал и ночным поездом отправилась в Москву.

Сын, к которому Елизавета Петровна явилась утром, не успел даже насмотреться на нее, а с дочкой она

шего город чуть не восемьсот лет назад.

Молодые смуглые парни уважительно посторонились, пропуская Елизавету Петровну на узкую тропинку, ведущую в обход ремонтного участка, и она поднялась на взгорок, где стоял уже совсем черный, выросший в землю родительский дом с резными наличниками и облупившейся фанеркой в углу, на которой едва виднелись писанные масляной краской полустершиеся буквы, сообщавшие имя вождя мирового пролетариата.

В доме давно жили чужие люди.

Елизавета Петровна подошла поближе и, испытывая неловкость, робко заглянула в мутное окно: оно было прикрыто давно не стиранным кружевной занавеской, сквозь кото-

Рис. Екатерины БОЧАРОВОЙ

и подавно лишь несколько минут поговорила по телефону. Впрочем, дети с неделей назад приезжали к ней на сороковины, а сейчас и говорить-то было особо не о чем... Сын посмотрел в Интернете, как доехать до Оптиной, написал на бумажке расписание автобусов, вызвал такси и отправил мать в Теплый Стан, на автостанцию.

Не доехав до Оптиной трех километров, она сошла с автобуса в родном Козельске и потихоньку добралась до улицы Ленина, которую после исчезновения с карты мира страны развитого социализма никто и не подумал переименовать.

На повороте с Советской, тоже так и не переименованной, таджикские работяги укладывали асфальт, судя по всему, этот асфальт был первым со времен хана Батыя, осаждав-

рую едва угадывалась в глубине комнаты голубая тьма.

От дома исходило спокойное, ровное тепло.

Она подошла еще ближе и положила ладонь на шербатые венцы... Дом словно бы удивленно встрепнулся и что-то ответил, тяжело вздохнув. Елизавете Петровне показалось, что кто-то нежно погладил ее по седым волосам, и на мгновение ощутила себя маленькой девочкой... В глубине двора голый по пояс отец рубил дрова, влажный торс его весело поблескивал на солнце, вокруг бегала большая рыжая собака и оголтело лаяла, насканивая на гору свеженарубленных полешков.

Она прижалась щекой к венцам...

Вокруг стояли невысокие еще деревья, и в щели забора виднелся молодой сад, а из дома доносился

мамин певучий голос: «Лиза! Лиза-а-а!»

Покидая Козельск и глядя на неказистые, но такие милые старые домишки на выезде из города, всматриваясь в густой, почти нетронутый лес, мимо которого шла дорога, она чувствовала будоражащее волнение от встречи с родными местами, с монастырем, уже видневшимся вдалеке, и сердце ее сжималось и трепетало, но не так, как сжималось и трепетало оно над гробом любимого, а нежно, умирительно, словно примиряясь с несправедливостью жизни...

Она отстояла вечернюю службу и уже на закате вышла за стены пустыни. Ей хотелось зайти в лес, и она знала, что за густой чащей, совсем недалеко от монастырских ворот расположен старинный скит, где когда-то жили старцы-отшельники и куда приезжали полтора века назад великие русские писатели, которых нынче изучают в школах.

Лесная тропинка была приятной и обжитой, вокруг стояли высоченные сосны, кое-где попадались березы, клены и тонкие россыпи лещины с разлапистыми ветвями, уже обильно усыпанными звездочками орехов... Она шла, полной грудью вдыхая чистый лесной воздух, а впереди нее бежала серая невзрачная птичка. Птичка, словно раненая, припадала на одно крыло и, подпустив Елизавету Петровну поближе, почти вплотную, тут же отбегала дальше. «Уводит от гнезда», - подумала Елизавета Петровна и, не желая нарушать устоявшийся лесной порядок, свернула с тропинки прямо в лес. Перейдя маленькую уютную поляну, она подошла к стоящей с краю сосне и загляделась на маленький караван идущих по коре цугом алых «солдатилов»... Они направлялись вниз и вскоре скрылись в густой траве... Елизавета Петровна тихонько прикоснулась к шершавому стволу и медленно повела ладонью по его окружности... За этой привычной, почти рефлекторной лаской потянулась и ее душа - она прильнула щекою к дереву и порывисто обняла его, ощутив головкружительный аромат свежей смолы... Глаза ее наполнились слезами,

и так застыла она, с тревогой вслушиваясь в неведомую жизнь внутри дерева, в движение его соков, в его тайные желания, в его вопросы и ответы...

Тут на поляне появился священник и, увидев ее, быстро подошел. Елизавета Петровна протянула ему навстречу сложенные в просительном жесте ладони, и он дал свою руку, которую она, почтительно поклонившись, поцеловала.

Рис. Екатерины БОЧАРОВОЙ

- А ты поплачь, матушка Лизавета, поплачь, - сказал священник проникновенно и положил ей руку на лоб, благословляя.

- Откуда вы знаете мое имя? - спросила она в изумлении.

- Так мы про всех знаем, - удивившись не меньше Елизаветы Петровны, ответил священник. - Мы, кажись, все под Богом ходим... Вот сообщают же...

Она озадаченно посмотрела на него, а он, осенив ее крестом, повернулся и пошел в глубину леса.

- На заутреню-то приди, матушка... Я сам служить буду, - услышала она напоследок.

Деревья и кусты шумели вокруг, словно желая успокоить ее и приласкать... Она глянула в зеленый сумрак, туда, где еще мгновение назад видна была черная фигура свя-

щенника... Ветки медленно-медленно колыхнулись в сторону, повинуясь движению прохладного вечернего ветра, и... она увидела сырую лесную тьму... Сердце ее вздрогнуло, она присела возле сосны и осторожно опустила сухие ладони во влажную прохладу травы, которая тихо шевелилась под пальцами, словно живая... Елизавета Петровна легла, и трава ласково охватила ее голову... Прикрыв чуть глаза, она представила, что плывет под речной водою, лежа на спине, и мягко колеблющиеся водоросли едва трогают ее воспаленный лоб... Она глянула вверх: там, в густой синеве остывающего неба, куда уходила долгая мачта слегка накренившейся сосны, величаво плыли уже подсвеченные закатным солнцем густо-оранжевые облака...

И тут раздался мощный удар большого колокола... Звук его плыл над козельскими далями, переливаясь через монастырские стены, словно густое малиновое варенье через край щедрой банки, и это торжественное гудение, этот тягучий карамельный пласт звука, смешиваясь с таинственным шумом леса и заполошным пением потревоженных птиц, вынимал душу, останавливал сердце, и Елизавета Петровна почувствовала вдруг, как прилив отчаянной нежности захлестывает все ее существо и горло схватывает болезненный спазм... Она лежала, раскинув руки, и продолжала смотреть в небо... Слезы текли по ее вискам и капали в теплую все понимающую землю, а звук большого колокола между тем медленно перетек в веселый, звонкий перезвон маленьких колокольчиков, зовущих к крестному ходу вокруг монастыря и умоляющих прихожан не спать, а отдать последнюю на сегодня славу Господу и необъятной красоте окрест... И вот он затих, а из него возник нестройный, едва слышный издали хор крестного хода.

Елизавета Петровна лежала и плакала... Она вспомнила, как птица уводила ее от гнезда, и подумала: «Уводит, уводит... Господи, как хорошо, как покойно...» Поплотнее прижала руки к родной земле и замерла, примиряясь, уже примирившись, со своей такой обычной, похожей на миллионы других судьбой...

Горнило золотого небосвода

Ночной разговор с эпическим героем

Олжасу

...На скакуне Ак-Куле Он скачет по древней земле,
теряя юных соратников, растратив судьбу свою.
Он полон чужой мольбы, надежд, рождений, смертей,
задыхаясь от чьих-то скорбей. Таким Он пришел ко мне
бессонной тяжелой ночью у бед моих на краю
и молча забрал мою боль. Но стало еще больней.
Ночь исполнения желаний молитвой не расколоть -
каменную слезу синей зарницей пролей! -
не всем отзывается Он. И тесен воздух Ему,
в сиротстве космической ночи - черна бесплотная плоть:

**- Зачем беспокоишь, смертный, смерд нездешних кровей,
зачем в чужую стучишься тысячелетнюю тьму?..**

- В сны принца Шокана врывался ты, каменный исполин,
являлся - белогвардейской юной крови хлебнуть
или демонским слухом внедриться в новые слезы и смех?

**- Завет нездешнего мира для всех вас неисполним,
зову я детей кочевья продолжить мой горький путь -
чтоб научились слышать спетое не для всех...**

- С годами грубее камня становится разум земной,
и тот, кто поет о Тебе, уже изверился вдрызг,
да Ты и сам притворился, что вновь всемогущ и юн.

- Но каждый певец воскликнет: «Манас являлся - за мной!..»

- Века воспевают Тебя, побед Твоих горький приз,
но как пульсирует боль в шрамах победных рун...

**- Да, я прихожу к певцам, вливаю в них древнюю кровь,
в которой гудят напевы и стелется тишина! -
да, в слабую память вживляю события и имена,
ненависть, хмель отваги, жизнь и смерть и любовь! -
да, с ужасом и восторгом растерянная страна
каждой травинкой тянется в грядущие времена!**

...Он скачет чуткою степью на скакуне Ак-Куле,
и гладит серый ковыль обводы медных стремян.
А где-то в аиле голодном малец, не знавший отца,
плача, пробует голос в одушевленной мгле,
провидит пугающий путь, колких звезд караван,
где Он воззрится во тьму - отец, не знавший мальчика.

Вячеслав ШАПОВАЛОВ

Вечерний пейзаж

Щекочет ноздри прах
веками прежними,
отар на склонах гаснет
пентаграмма,
кружась, ткут облака
над побережьями
свой млечный холст -
для парусов адама.

И правда сумеречна здесь, и кривда,
в ущельях скалы рушатся упруго:
конец пути, парк тюркского
периода,
тьма, перекрестье мелового круга.

Где колыхалась песенка пастушья,
за ветер зацепившись покрывалом,
рвет дерн людская мольва
дикорастущая
своим адреналиновым оралом.

И рвется прочь от этой грязи вверх,
куда
ей путь заказан с тысячного года,
душа - и плавает в зрачке у беркута
горнило золотого небосвода.

И там, где вновь расцвел костер
кочевника,
где тих туман, в лощинах оседаю,
прикурит от горящего учебника
вечерняя зарница молодая.

Досье «УГ»

Вячеслав Иванович Шаповалов - русский поэт, переводчик тюркской и европейской поэзии, литературовед, теоретик перевода. Народный поэт Киргизии, лауреат Государственной премии КР, Русской премии, заслуженный деятель культуры, профессор, доктор филологии, академик Международной академии наук педагогического образования (РФ) и др. Директор научно-исследовательского центра «Перевод» в Киргизско-Российском Славянском университете. Автор двенадцати книг стихов. Родился и живет в Киргизии.

12.12.12

Уводит лань за собою лихого стрелка
На гиблый обрыв качнувшегося мирка,
И молча молит скала о смертной стреле,
И кровь высыхает у жала на острие,

И сука, скуля, уносит щенка от норы,
И молча волчьи обрушиваются миры,
И не уйти от пожара, кишки волоча,
Через флажки державы несытого палача,

И плачут млечный агнец и серый брат
У самых светлых, у запертых райских врат,
И плачут все дети, и плач их ясен, как смех,
Обо всех закатах, о звездодопадах всех,

И серый ветер таится у млечных высот,
И облако слез до Бога он донесет,
И тот все услышит, поскольку сам из сирот -
И все-то Он знает, бедняга, все наперед...

Киргизская охота

Срубленная, пала в разнотравье
Солнца золотая голова.
Сворой разномастною затравлен,
Волк искал последние слова -
Те ли, что вначале были Словом,
Или что-то, может быть, еще? -
В мутном мареве солончаковом
Смерть дышала в спину горячо.
Кони от плетей осатанели,
В их глазах был красный

волчий свет,

И на склонах отшатнулись ели,
Ибо смерти не было и нет.
Каменный обрыв - конец ущелья,
Каменный мешок сухой реки:
На чужом пиру творись, похмелье
Боя - боли, жизни и тоски.
Серой грудью пав на серый вереск
В миг, когда живому все равно,
На закат малиновый ощерясь,
Зверь дышал протяжно и темно.
И камча, что лошадь кровянила,
Шевельнулась, подавая знак,
И тотчас же в сторону аила
Поскакали известить зевак.
Спешились и двинулись неспешно,
Ибо злобе в мире места нет:
Все, что совершается, - безгрешно,
Лишь в глазах - тот красный

волчий свет.

Равнодушен перед псовой ратью,
С пьяным ветром сглатывая кровь,
Волк молчал -
И смертный свет во взгляде
Был уже бесплотен, как любовь.
Ночь сквозила сумеречной тучей,
Скоро обещая холода.
Плакал, бился родничок в падучей,
Первая прорезалась звезда.
Жизнь кончалась, серая и злая,
Знающая, что она - права.
И тяжелой кровью, догорая,
Пропиталась жесткая трава.
Для того ль моя - бурлит по жилам,
Чтобы в горле вспоротом моем
Где-то, за каким-нибудь аилом
Плач и песня хлынули огнем?!
Время и любить, и ненавидеть,
Умереть, когда тебя казнят.
Мне бы только их глаза увидеть -
Красный свет, малиновый закат...

Рис. Ольги Трусовой

Луна Джергалана

...и все же увел я во влажную ночь
двух кровных кобыл

и полковничью дочь

и скрыл их в разлете

ковыльной волны

от всех революций от вечной войны
и пусть мне не ведать что будет

со мной

с родной стороной за гражданской
войной

и пусть в нас состарятся тело и дух
но нынче вселенной нам мало

для двух

по травному лону копыта стучат
кузнечики плачут и звезды молчат
неслышно звенят на рыси удила
и стрелка по кругу обратно легла

и луч от звезды в вышине проколол
озерную даль и ночной Каракол
не ложь не надежда не брат и не враг
на дне мирозданья

колодезный мрак

ни лживых надежд

ни постылых вериг

немым и глухим безымянный язык
ни крови ни боли ни будущих лет

за нами струится серебряный след
очей под луной серебрятся белки

ласкают мне плоть молодые клыки
и юная всадница в медной луне

дыханьем спалила рубашку на мне
и длятся предвечные голос

и взгляд

кузнечики плачут копыта стучат

Руна

жизнь сползает по склону судьбы неопознанный натиск
ропот рек ропот скал звездный гул сновиденья снегов
разноцветная осень в ущельях расколотых наспех
серый каменный идол в теснине арчовых лугов
упокоен в незыблемой эре колхозных угодий
зрит смирение пастбищ где внутренний взор напряги
и два юных ягненка зовомых Кирилл и Мефодий
иероглиф озвучат движенью морен вопреки

омертвелых пространств собеседник истлевшее время
нет мгновенная смерть в поцелуе столетней пчелы
нам дороже чем жало на старой стреле оперенье
чем случайная жизнь на которую обречены
как зовемся теперь отыгравшие с вечностью в жмурки
на безмолвном наречье бросавшие вызов судьбе
безымянные хетты шумеры ли гунны ли тюрки
в мясорубке кочевий почившие в вечной семье

кто услышит движенье вселенной и чем он заплатит
за дарованный миг за бессмертья истерзанный сад
бесконечно стада созерцают вращенье галактик
и галактик толпа наблюдает вращение стад
узкий взор улыбается в плоском гранитном овале
и змеится яремная жила вселенского зла
мы любить и страшиться любимых не переставали
и любовь эта силы года и надежды взяла

выбей слово в граните и юною кровью набухнет
этот первый надрез мирозданья наскальный чертеж
память вцепится в смыслы века наслоятся на букве
убивай этот мир летописцев его уничтожь
пусть заплачет скрижаль но столетья глаза поднимая
будут слушать пророков и пялиться молча во тьму
ибо нечего ждать кровь на камне не есть понимание
и чужие грехи искупить не дано никому

в камне плотность звезды и забытая сага о громе
длящем тысячелетье восходов где время тщета
мы надрез на граните мы крохи запекшейся крови
бренность сретенье жизни и смерти меча и щита
небо грянуло в недра а воды разгладили грани
что нам ложь этих правд что нам тварная эта заря
нам последышам жертвенной силы что нам умиранье
говорящим опарышам что нам душа алтаря

возвращаю подарок небес ибо не был прозреньем
ада с небом посредник на ком эта кровь запеклась
я из этих сирот так пронзи меня током подземным
сердце между мирами успеет ударить хоть раз
и как девочка с красной косынкою на повороте
смертным жертвенным вздохом откликнется эта страна
и блеснет на прощанье в письмовнике меркнувшей плоти
сумрак каменной руны мираж золотого руна

Языки

Памяти

Клары Джидеевой-Карыткуловой

Вскрик гортанный, киргизская речь. Так весенний ручей
что-то силится вымолвить талому склону горы.
Эта звонкая гласная вязь, несомненно, прочней,
чем ее окружившие каменные миры.
Так на смуглой руке оживает старинный браслет -
из серебряной вспышки восходит огонь родовой:
материнский язык о родстве запоет над землей,
а отцовская речь загремит о забвенье побед.

Рядом вспыхнет родник, словно гиперборейский сапфир,
русских звуков несет он значенья - и пахнет, как снег:
талой влаги хлебнешь, и в душе, как расколотый мир,
отзывается нега оставленных медленных рек.
Жизнью полная - рвется жестокой поэзии нить,
что связала нас мудростью древней смертельной игры:
материнская речь породнит своим плачем миры,
а отцовская речь будет чуждую кровь леденить.

В рудных безднах пробьются к слиянью слепые ручьи,
и безмолвье нарушится - слабое Слово найдет
к двери темной вселенной простые, как сердце, ключи,
путь откроет, и в души спокойная мудрость войдет.
Только жизнь так мала, чтобы в небо ворваться без крыл! -
вспомним близких, ушедших - надежды отчаянной миг,
что когда-то постигнем тот вещий всеобщий язык,
на котором с пророками молча Господь говорил...

Алексей ГЕРАСИМОВ

* * *

Ссорятся жильцы дома напротив, родственники, между прочим:

- Ты воровка!!! Ты всю жизнь у меня воруюешь! Я вот щипчики положила... На видное место... Где теперь мои щипчики?.. Ты украла! Из Франции были щипчики!.. Ну и где они теперь, щипчики мои?..

Зощенко на них, право, нет.

* * *

Репетируем праздничное театрализованное представление. Артисты - любители, режиссер - профессионал.

Артистка, исполняющая роль Волшебницы, в обычной жизни - гадалка, астролог, хиромант, парапсихолог, ясновидящая, экстрасенс, в общем... в этой сфере трудится.

Режиссер добивается от нее взволнованности, эмоциональности, экспрессии. Но артистка монотонно талдычит свой текст, как теледиктор новости.

Режиссер: Больше волнения, прошу вас! Больше экспрессии, взволнованности! Даже пылкости, если можно!

Артистка (*невозмутимо*): Настоящие волшебники никогда не волнуются, никогда. Это я вам как профессиональная волшебница говорю. Они других волнуют, но сами всегда спокойны...

Режиссер (*раздраженно*): Меня вы уже разволновали...

Одному из артистов необходимо станцевать изысканный менуэт с дамой. Но мужик танцует, как бревно. Режиссер пытается поставить

Русские народные красавицы кощеев не боятся!

Из сборника прозаических миниатюр «Капли»

ему правильные красивые движения.

Режиссер: Вот так! Повторяйте за мной...

Артист (*пытается повторить*): Но в спектакле у меня на боку будет висеть шпага!

Режиссер: Ну и что?

Артист: Так она же при этом движении будет мне мешать!

Режиссер: Ничего, привыкните... Повторяйте за мной, вот такое па!

Артист (*пытается повторить*): Но в спектакле на мне будет плащ!

Режиссер: Ну и что?

Артист: Так я же при таком движении могу в нем запутаться!

Режиссер: Ничего... Распутаетесь! Следующее па... Повторяйте!

Артист (*пытается повторить*): Но в спектакле у меня на голове будет парик!

Режиссер: Ну и что?!

Артист: При таком движении парик может с меня свалиться!

Режиссер: Ничего, поднимите!!!

* * *

Провожал некую прекрасную особу до ее авто.

Особа в растерянности произносит:

- Ой, я забыла, где оставила свою машину!..

- В этом районе?

- Да, где-то здесь... А точно не могу вспомнить...

Немного поискали:

- Что там рядом было?

- Вроде бы церковь...

- Какая?

- Какая-то... А может, и не церковь... Скамеечки там на углу были...

Кажется...

- А магазины, кафе, банки?

- Не помню...

- А марку своей машины и ее цвет ты помнишь?

- Да, конечно! Фордик, темно-синий... Очень пыльный... И скамеечки там точно были... И еще там мужик с газетой сидел.

Нашли, конечно, авто. Церкви поблизости не оказалось. Скамеечки были, это да. Но мужик с газетой отсутствовал. Ушел, наверное...

Досье «УГ»

Алексей Герасимов, прозаик, журналист, актер. Родился в 1969 году в г. Горьком (Нижний Новгород). Окончил Московский литературный институт им. Горького. Работал в русских СМИ Латвии как колумнист, репортер, рецензент, переводил тексты с латышского на русский, снимался в рекламных роликах и любительских видеофильмах. Проза публиковалась в журнале «Даугава», альманахе «Рижский вестник», на сайте topos.ru, в сборнике «Толстый. Все включено» («Астрель», СПб). Живет в Риге.

* * *

Приятельница рассказала историю. Очень типичную: в студенческие годы страстно любила однокурсника, а он ей отвечал лишь дружбой. Прошли годы: у него семья, у нее семья, но дружба между ними сохранилась.

И вот недавно он ей признался, что в студенческие годы страстно любил ее, но ему казалось, что она может ответить ему лишь дружбой...

Приятельница, рассказывая мне об этом, вздыхала: «Какой же он деревянный болван! Я же и так... и сяк... А он не понимал... Я же его печеньем в форме сердечек угощала! А он все равно не понимал...»

Нет, ну правда... ПЕЧЕНЬЕ В ФОРМЕ СЕРДЕЧЕК - это каким же деревянным болваном надо быть, чтоб не понять.

* * *

С. рассказывал: в соседнем доме каждую субботу собираются люди и хором скандируют: «Прими! Прими! Прими!»

С. поначалу думал, что это какие-то особо эмоциональные алкоголики. Но позже выяснилось: не компания это пьяниц, а религиозная секта.

* * *

Позвонил приятель, предложил встретиться. И я брякнул: «Извини, у меня сегодня уже назначена встреча, и, возможно, с дамой». Вникнув в смысл необдуманной фразы, посмеялись... Хотя, что тут смешного? Дама ведь может оказаться не только господином, но и барышней. Или не дамой и не барышней, а кокоткой, куртизанкой либо даже международной авантюристкой.

* * *

Еду в автобусе, рядом двое зрелых мужчин, сильно потрепанных жизнью и, кажется, верно служащих Бахусу.

Один другому:

- У меня гемоглобин пониженный сильно!.. Доктор говорит, надо мяса побольше есть или свеклы... Мясо - дорого, а свекла... ее ж варить надо!

И грустно вздохнул при этом.

* * *

В любой момент могу, например, умереть. Или, например, прославиться. Учусь осознавать это. Быть готовым к тому и другому. И не придавать ни тому ни другому большого значения. Осознавать легко, быть готовым и не придавать значения трудно.

Так и живу: за одним плечом шуршит шелками капризная Фортуна, за другим плечом шкрябает когтями готишный Танатос.

А еще под ногами путаются низменные Эрос и Бахус, а где-то в вышине надо мной сияет Божественный Логос.

А я между ними - малый птах. Посамаурайски так.

* * *

После одной из елок ко мне подошла девочка в красном сарафане и золотом кокошнике. Уперла руку в бок и гордо произнесла: «Русские народные красавицы кощеев не боятся!»

* * *

Школьник увидел меня в гриме, схватил мобильный. Радостно закричал в трубку: «Мама, мама!.. К нам в школу клоуны приехали!»

Никогда еще Кощей Бессмертный не был так глубоко уязвлен.

* * *

Общался с приятелем-грузином. Зашел разговор о личности, судьбе и творчестве Зураба Церетели. Мой приятель высказался так: «У Цэрэтели всо харашо, патамучта он... нэ жадный! Умэйет дэлица с лудми... Эта очэн важна - дэлица с блыжным куском хлэба!..»

Мне понравилось. А то у русских: «отмыв», «откат», «взятка»... Ну что это за плебейски-блатной жаргон! Нам есть чему поучиться у грузин. Вот романтическая нация! Какие прекрасные эвфемизмы: «кусоч хлэба», «глаток вына».

Ты не дорожному полицейскому взятку даешь, а делишься с ближним куском хлеба. Совсем другое ощущение, да?.. А он с другим ближним поделится, а тот с третьим... И так далее, по цепочке. Так и поможем друг другу пройти этот петлистобугристый жизненный путь. Плечом к плечу, с одним караваем на всех. Согревая ближних душевным теплом и утешая их песней.

* * *

Молодой латыш, который русский знает совсем поверхностно, говорит мне: «Купил себе Толковый словарь русского языка. Изучаю. Нахожу много новых для себя, красивых слов. Например, «мерзавец».

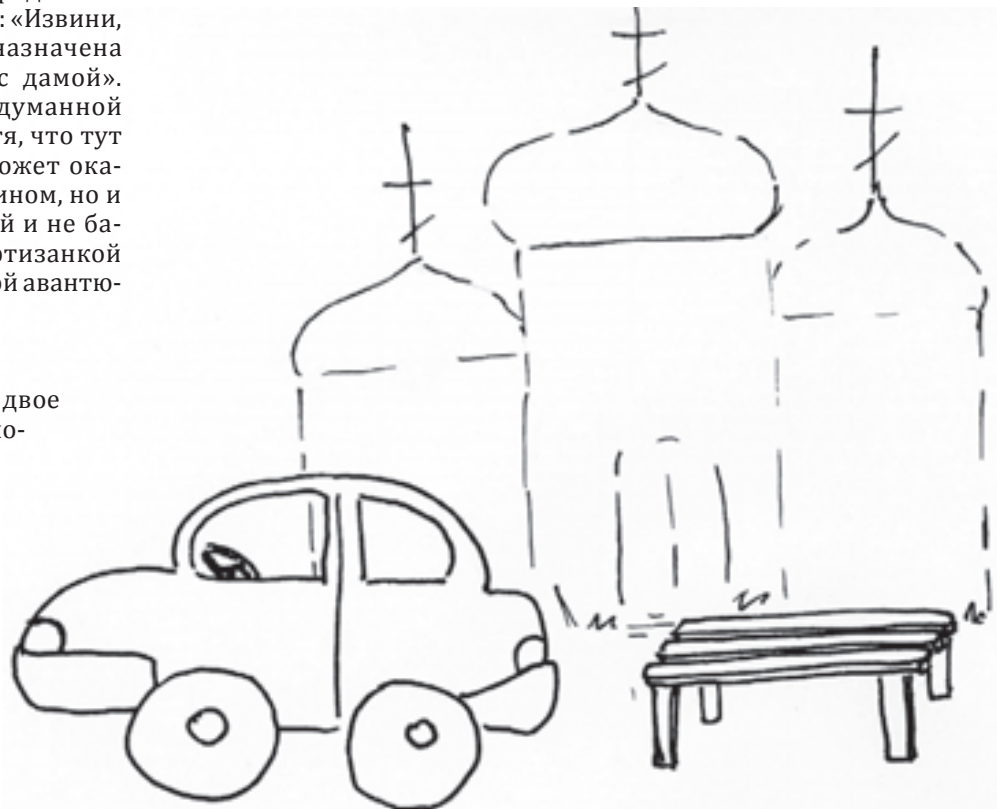

Рис. Ольги ТРУСОВОЙ

Сергей ИСАЕВ

К вопросу о создателе человека

Человека создал труд.

Фридрих ЭНГЕЛЬС

*Все люди живут трудом,
но не своим.*

Карл МАРКС

Офигеть!

Аноним

Цель данного эссе - доказать несостоятельность утверждения «человека создал труд»; абсурдность его после разнесения в пух и прах основанных на заблуждении предположений станет вполне очевидной для любого человека, не подверженного предрассудкам как философского, так и сугубо научно-исследовательского подхода, а также исповедующего известную непредвзятость и широту взглядов.

Трудно представить, что умудренные жизненным опытом выдающиеся немецкие мыслители допустили столь очевидную ошибку, совершенно потеряв связь между причиной и следствием! И тем не менее вышеприведенный тезис позволяет утверждать, что благородные немцы ошиблись-таки и тем самым увлеклись на ложный путь казуистики множество менее искушенных последователей. Логика их хромает на обе ноги. Труд не мог создать человека по причинам, которые будут нами рассмотрены ниже.

Упомянутые мыслители ссылаются на предков человека - безмозг-

лых обезьян, шарившихся по планете в поисках пищи и убежищ от холода. Выводы Маркса - Энгельса основаны на предикатах археологических исследований и теории Дарвина, мол, труд спас первых людей в экстремальных условиях ледника, когда надо было добывать пищу, строить жилища и жить в социуме. Именно труд, дескать, и стал причиной того, что человек стал человеком в том виде, к которому мы привыкли за последние по крайней мере два десятка веков. Разберем все три пункта в порядке очередности.

Труд как необходимость добывать пищу

Почему исключительно Номо erectus, Номо sapiens и еще пара подвидов приматов облюбованы господами Энгельсом и Марксом в качестве столь неподражаемого примера? Как будто у козуль, зайцев или динозавров нет той же насущной проблемы - добывать пищу?

Здесь мы столкнулись, как до нас Маркс и Энгельс, с типичной подменной понятий и последовавшей за этим путаницей: средство стало самоцелью. Древние китайцы (и не они одни) говаривали, что мы едим для того, чтобы жить, однако живем не для того, чтобы есть. Возможно, кто-то живет лишь затем, чтобы есть. Вот на эту удочку и попались господа мыслители: перепутали средство с самоцелью.

Но как же все-таки быть с пищей? Ее добывают все, но следует ли считать этот процесс трудом или хотя бы его начатками? Ни в коем случае, поскольку пища - явная жизненная необходимость. А любая необходимость свертывается инстинктивно. Голодная обезьяна полезет за плодами на пальму, заяц или козуля отправится на поиски травы, динозавр, если он плотоядный, пойдет на охоту. Это повторяется миллионы лет (кроме того, почему вымерли динозавры, не от излишнего ли ума или, может, от ожорства?!), однако никто из животных так и не стал человеком. Труд - явление гораздо бо-

лее высокого порядка, потому что сопровождается интеллектуальными рассуждениями. В какой, простите, интеллект наших приматообразных предков - пока лишь предков - призывают поверить спекуляции Маркса - Энгельса?! Уму непостижимо, что подобная несуразица, как «человека создал труд», может до сих пор проповедоваться ex cathedra!

Нам могут возразить народной мудростью: мол, без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Но в контексте сказанного имеется в виду исключительно терпение, а не труд как таковой; об этом одинаково свидетельствуют как фольклористы-филологи, так и профессиональные рыбаки. И о каком труде в прямом смысле слова может идти речь во время рыбалки?!

Труд как необходимость строить жилища

Все, как известно, стремится к совершенству. Если и дальше следовать логике немецких мыслителей, то, несомненно, труд создал не человека, а бобра. Ну еще муравья, естественно. Судите сами: любые строительные-технические достижения человека - мы имеем в виду именно человека XXI столетия - никак не могут сравниться с постройками термитов или созданными бобрами дамбами. Больших трудов на планете днем с огнем не сыскать. Пирамиды Гизы и нью-йоркские небоскребы по величине и устойчивости конструкции являются жалкой пародией на любой средний термитник. Муравей в состоянии тащить вес, в сто пятьдесят раз превышающий его собственный. А ведь муравьи живут на планете уже более семидесяти миллионов лет, могли бы вроде за прошедший срок стать человеком! Бобры валят многотонные деревья на больших расстояниях от водоемов (потому что ближайшие деревья ими уже давно использованы), чтобы затем на себе перетащить их и укрепить дамбу. Однако ни один бобер ни разу не произнес ни единого членораздельного слова ни на одном из известных языков!

Почему именно Homo sapiens оказалась такая честь: трудиться гораздо меньше животных над устройством жилища, но стать вершиной эволюции? Птицы выют гнезда, лисы роют норы, но создание жилища тоже совершенно инстинктивная вещь, творимая по необходимости, хотя бы для того, чтобы принести и выходить потомство. Таким образом, утверждение, что построение жилища есть труд в чистом виде, абсурдно от своего начала.

Труд как необходимость жить в социуме

По сей день неразумным и крайне антинаучным считается упорное отрицание того факта, что в социуме проживает не один только человек. Наши оппоненты Маркс и Энгельс полагают, что, дескать, лишь общество, причем общество трудолюбивое, сделало примитивного Номо человеком. Простите, но можно найти примеры социума гораздо высшего порядка, нежели человеческое общество. Августин Гиппонский еще в IV и Альберт фон Больштедт в XIII столетии (а также многие другие) занимались подобными исследованиями, называя такие сообщества царствами. Царство муравьев, царство пчел, царство волков и т. д. Все они построе-

ны по принципу диктатуры (только Номо додумался до демократии), но речь у нас не о политических системах управления. В принципе различия в управлении между царствами животных и человеческим обществом невелики: любым социумом руководит одна или несколько особей, устанавливающая/устанавливающие законы и требующая/требующие беспрекословного повиновения. Волки живут стаями, пчелы - роями, но это также никоим образом не может иметь хоть малейшего отношения к труду. Жизнь в социуме диктуется необходимостью выживания. Таким образом, это вновь можно списать на обычный инстинкт, и здесь нет разницы между человеком и клопом. Отличие лишь в том, что ни одно животное, живущее в своем социуме, никогда не уничтожает себе подобных, разве что ввиду крайней необходимости (например, борьба за самку).

И еще. Институт семьи, рассматриваемый биологами как проявление высшей стадии цивилизованности, ничуть не менее значим и в других животных сообществах. Например, волки выбирают себе пару единой и на всю жизнь, то же касается дельфинов, многих видов обезьян и т. д. О лебединой верности даже

слагаются песни, впрочем, это для поэтов. Следовательно, жизнь в социуме нельзя считать следствием труда, а потому отбросим дешевую подтасовку Маркса - Энгельса о том, что именно труд создал из Номо человека, приведя его в конце концов к социуму.

Итак, после аргументированного опровержения всех трех пунктов мы видим, что заезженное клише «человека создал труд» достойно помойного ведра. Однако забота наша заключается не только в разрушении псевдонаучных и квази философских систем, поскольку трезвое мышление неминуемо приводит человека разумного к построению новой концепции или хотя бы более-менее всеской теории. Гипотезы оставим без внимания.

Тогда после недвусмысленного вывода о невозможности создания человека трудом мы вправе задать справедливый вопрос: кто же в таком случае все-таки создал нас? Предлагаем несколько наиболее вероятных версий, обсуждение и опровержение которых также пройдет в порядке последовательности.

Бог

Идея креационизма (тем более в монотеистических религиях), пожалуй, одна из древнейших, причем довольно гладко все объясняющая. Если человека создал Бог, то все ясно... и Бог с ним. Тем не менее по причине вопросов довольно спорных, например есть ли Бог, мы решили исключить теорию креационизма из обсуждаемых. Если бы к этой теории были применимы хоть мало-мальские научный подход и поиск, мы неминуемо отправились бы в указанном направлении.

Теория палеовизита

Теория, имеющая полное право на существование, хотя и довольно неустойчивая для критики. Парадигме палеовизита посвящено множество томов, основная мысль которых сводится в конечном итоге к следующему:

1. Некая внеземная цивилизация посетила нашу планету и принесла с собой семена жизни. Из этой биопротоплазмы и развился человек.

2. Некая внеземная цивилизация посетила нашу планету и научила первобытного Номо кое-каким навыкам и умениям (разводить огонь, использовать колесо и т. д.).

Досье «УГ»

Сергей Исаев (литературный псевдоним *Clandestinus*) - поэт, писатель, переводчик и публицист. Родился в 1973 году в Клайпеде. Изучал философию в Вильнюсской духовной семинарии Св. Иосифа, позже - богословие во Франции (Saint-Jodard). В 1997 г. ушел в монастырь. Более 7 лет был монахом двух католических орденов - доминиканцев и францисканцев, готовился стать священником.

Переводит английскую, французскую и итальянскую поэзию, а также труды известных современных мусульманских ученых. Организует ежегодные русские литературно-музыкальные фестивали «Весна Поэзии».

Лауреат международных литературных премий Литвы, Германии и России. Лауреат X Форума молодых писателей России в номинации «Новые писатели России». По его сценариям снято 8 документальных фильмов. Награжден чрезвычайным и полномочным послом Литовской Республики в Москве серебряной юбилейной медалью в честь 300-летия зачинателя литовской литературы К.Донелайтиса, дипломом министра культуры Российской Федерации «За перевод на русский язык полного собрания сочинений Кристианонаса Донелайтиса и особый вклад в сохранение его творческого наследия».

Член Союза русских писателей Германии, член Союза российских писателей, член Союза писателей Литвы и др.

Произведения *Clandestinus* переведены на литовский, польский, английский, немецкий, шведский и арабский языки.

Живет в Клайпеде.

3. Некая внеземная цивилизация посетила нашу планету и офигела от того, что она видела здесь в последний раз со времени своего визита.

Шаткость самой теории в том, что никто и никогда (за исключением похищенных или добровольно взошедших на борт НЛО) не видел живого инопланетянина. Творчество голливудских режиссеров в данном эссе не обсуждается.

Теория параллельных миров

Развита по принципу теории палеовизита. Интересующихся параллельными мирами просьба посмотреть теорию палеовизита несколькими строками выше.

Теория случайности

В этот пункт можно, собственно говоря, внести все что угодно, включая все предыдущие теории. Возможно и вполне допустимо, что древнейший Ното принес в пещеру огонь, где поддерживал его до времени изобретения зажигалок; возможно и допустимо, что он случайно стукнул камень о камень и выбил искру, которая произвела возгорание; возможно и допустимо, что первый коробок спичек был доверен ему инопланетными пришельцами.

Случайность в любом своем проявлении недоказуема как истори-

чески, так и логически, поэтому задерживаться на указанной теории пустая трата времени и не менее пустой спор о первопричинности возникновения человека.

Теория совершенствующегося интеллекта

Наиболее популярная теория, хотя ничего не доказывающая *ab ovo*. Интеллект интеллектом, это так, но откуда он сам-то взялся? Почему он свойственен исключительно человеку и никакому другому существу на планете?

Для начала охарактеризуем сам предмет интеллекта. Мы полагаем, что наиболее лаконичным и точным будет следующее определение: опыт плюс точно сделанный из него вывод плюс память об этом. Словом, тот миг, когда первобытный Ното, обжегшись об уголек, сделал вывод, что более соваться к огню без необходимости и предосторожности не следует, и можно считать началом пробуждения интеллекта, который затем стал совершенствоваться. Позже появился - тоже как следствие интеллекта, уже возвысившего человека над другими животными, - язык как форма и средство общения, что еще более подчеркнуло неординарность человека в сравнении с остальным населением планеты. Накопленный опыт и знания стало возможным передавать дру-

гим, позже - записывать. А потом пошло-поехало и доехало аж до Большого адронного коллайдера и «Хаббла». Вот приблизительный макет развития интеллекта.

Но откуда и когда возник самый первый проблеск разумности? Нет ли здесь общего с инстинктом, который свойственен человеку, пусть хоть и в меньшей мере, нежели его меньшим братьям? И нет ли у животных того, что пусть хоть отдаленно, но граничит с человеческим мышлением?

За примерами далеко ходить не надо. В данном случае крайне показательны рассказы о животных В.Би-

анки, да и не только его одного. Э.Сетон-Томпсон в рассказе «Джек - Боевой Конек» повествует о кролике, который водил за нос преследователей и никогда не попадался во время облав. Или безызвестный Лобо - волк, которого писатель наделяет практически человеческим интеллектом, более того, человеческими чувствами. Что это - интеллект? Или писатели несколько перебирают с выбранными образами? Действительно, однажды попавшее в охотничий капкан животное вряд ли когда-либо попадетс я вторично, поскольку у него есть опыт и правильно сделанный вывод. Начало интеллекта?! Говорят, что североамериканский гризли умнее таежного медведя. Но кто сделал такой вывод? Охотники. Люди с крайне ненаучным складом мышления, судящие о зверях исключительно по их биехеиористике.

И все же сколько бы смывленный кролик не водил за нос своих горе-преследователей, он никогда не залезет в свою норку и не напишет на ее стене угольком: $E=mc^2$. И благородный вожак волчьей стаи никогда не объяснится своей возлюбленной волчице в любви по-французски.

Итак, человека создал интеллект? НЕТ, поскольку и он является следствием первого опыта!

Так что же в конце концов претендует быть нашим творцом?

Извольте, мы готовы ответить - лень. Лень плюс опыт от такого кайфа! По-вашему, это смело? Глупо? Безосновательно? Новаторски? Увы, не будем уподобляться легковверным дамам или поэтам, лучше рассмотрим предпосылки для подобного - и единственно разумного - утверждения.

Именно лень, причем сознательная, отличает человека от любого животного. Именно она является его прародителем и перводвижателем его желаний. Нам дан интеллект, чтобы осознать это и более не сопротивляться узанному, прячась за различными «благородными мотивами пробуждения в человеке человека».

Движимый ленью, человек смог занять подходящее ему место во Вселенной. И наша собственная цивилизация до невозможного ярко рисует последствия этого перводвижателя. Из всех животных планеты только человек всегда мечтал иметь все, ничегошеньки при этом не делая. Судите сами: зачем искать себе пищу, если можно позвонить по телефону, и тебе доставят ее на дом? Или зачем искать свою половину в далеких землях подобно средневековым романтикам, если достаточно взлезть в Интернет и найти любую понравившуюся самочку, не выходя при этом за порог? Все диктуется желанием приложить минимум труда к достижению максимума удобств. Даже труд нужен только для того,

чтобы после него как следует полениться!

Э.А.По в своей великолепной «Беседе Моноса и Уны» говорит устами Моноса:

«...двое или трое мудрецов из числа наших прашуров - мудрецов разумом, а не славой мирскою - отважились усомниться в том, что термин «улучшение» подобает прогрессу нашей цивилизации...

Через длительные промежутки появлялся какой-нибудь великий ум, который видел в каждом шаге вперед практической науки некий шаг назад в смысле истинной полезности...»

Бедные господа Маркс и Энгельс! Блага цивилизации мешали вам спокойно спать по ночам!

Рис. Екатерины БОЧАРОВОЙ

Апрель в финале марта неизбежен

* * *

Вот снимок: море, август и косой
пробор, на солнце выцветшая

челка.

Еще припомнишь - шел тогда

босой,

и ветер, и песок в глаза - осой -
сухой и колкий.

И где-то на окраинах гроза.

Приморский городок затаскан

летом.

И груши с веток падают, грозя
законами Ньютона. Стрекоза
зависла над дорогой нелепо.

Ты там идешь, ссылая в объектив
улов мгновений - словно мелочь -

в банку

на черный день, на памяти

заплыв,

чтобы потом, годами раскусив,
крошить судьбы сахарную

буханку.

Ты там. Идешь. И вечер невесом,
как бабочки пыльца. Тебе

семнадцать.

И черный «ФЭД», подаренный

отцом.

И август - неопознанным лицом
готов сниматься.

* * *

Давай, мой друг, заваривай

бульон

из кубика прокуренного быта,
выбеливай души линияльный лен
и кухонную борозди орбиту -
от волглых полотенец до тоски
осенней, пристеклившейся

снаружи;

готовь свой холостяцкий

поздний ужин,

и вечные непарные носки
пытаясь паровать в ковчег

комода,

ругай детей, кляни неверных жен,
благодаря, что Бог их бережет;
и дуй опять - с отчаянья - на воду;
лелей свой хлам и мнимый

статус-кво,

очередной навязывая скво,

сбеги в конце концов в забытый

август,

где долгий день некошеной

травой,

где солнце в янтаре над головой

и где судьба на ты еще с тобой

в любви по-матерински шепчет:

«Аве!»

Вика ЧЕМБАРЦЕВА

Ночные страхи

...И если опять просыпаться

в поту,

глотать кислород, как таблетки

горстями,

и стряхивать сон, и давиться

словами -

по эту ли сторону или по ту?

Коростой слова налипают

к гортани,

ты слушать не хочешь их:

«поздно, ложись»,

мол - «рано вставать».

Это катится жизнь

с твоей параллельно и даже

не ранит

уже несхождение, непересечение

и непонимание, и несовпадение.

Но это, по сути своей, ерунда.

И лето течет, словно Леты вода,
сквозь тело соломинки. Катится

жизнь.

Берись за нее и держись.

* * *

там детство в закрытые двери

стучится

обертка конфетная, мертвая

птица

зеленого солнца стекляшечный

свет

там время сквозь полую дудочку

льется

пугает студеное эхо колодца

все то, от чего избавления нет

там кукла плетется из прутьиков

ивы

Досье «УГ»

Вика Чембарцева - поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Кишиневе. Окончила Молдавскую экономическую академию и Институт непрерывного образования.

Автор поэтической книги «Тебе...» (Кишинев, 2010), поэтического сборника авторов «Шелест олив» (Кишинев, 2014) и др. Стихи и проза публикуются в российских и зарубежных изданиях, переводились на английский, итальянский, румынский, армянский, узбекский языки.

Награждена медалью «Григор Нарекаци» Министрства культуры Армении «за значительный вклад в дело развития культурного сотрудничества между Арменией и иностранными государствами» (2014).

Лауреат Международной литературной премии «Серебряный стрелец 2010» (Лос-Анджелес, 2010), 8-го Международного литературного Волошинского конкурса (короткая проза, 2010), V Международного конкурса молодых российских поэтов зарубежья «Ветер странствий» (Рим, 2010) и др.

Член Ассоциации русских писателей Молдовы и Союза писателей Москвы. Живет в Кишиневе.

бесстыдство коленей в ожогах
и стрекот сверчковый исповедим
там жалость до слез непонятно
воробышка греют в ладонях, чтоб
и все еще будет, и все впереди

двусмысленность прочтению
Тоска по Риму вряд ли восполнима
Я, впрочем, не о том.
15 суток
Апрель в финале марта
неизбежен.

Июль. Из цикла «Письма в сезон безветрия»

Ты говоришь: «Ван Гог сегодня
А я пытаюсь день закрасить
(что с лепестков «Подсолнухов»
его),

словами заполняя промежутки.
Заботы, суета и горизонты,
пустующие тут без Арарата,
его предощущенье - это к слову -
меня не отпускает никогда.
Зной. Кишинев расплавлен
и распластан.
Нагая дева, к бельевым веревкам
приникшая округлостью
на плаху покаянья душной ночи
в волнах едва колышимой

От памяти до памяти - рожденье,
вправляющее смертности изъян.
Но будет жизнь, жара и желтый
с подсолнухами света на столе.
Ты говоришь: «Ван Гог сегодня
умер».

А я: «Да нет, родился Айвазян».

29 июля 1890 года - день смерти Ван Гога.
29 июля 1817 года - день рождения Ивана Айвазовско-
го (Ованнеса Айвазяна).

Строительство нового здания старинного монастыря Хынку

* * *

Тень облаков, как тень летящей
стремишельна, внезапна,
Март заключен в решетках
15 дней до окончания срока,
15 суток на пути к апрелю.

Зависимость от направленья
не самая хорошая привычка:
круженье ветхих листьев
изношенная память листопада
об осени.

Стихи на итальянском
звучат, как струны арфы
от сквозняков на Площади
Невнятные подстрочники диктуют

Виноград - исконный символ Молдавии

Михаил ИВЕРОВ

* * *

Сестре

...И вечер был. И были свет и тьма,
и ночь, как затаившаяся птица, -
чужие впереди стоят дома
и железнодорожная больница,
и улица, которой больше нет
среди судьбой составленных
маршрутов,
тому назад не так уж много лет.

И, все пути счастливо перепутав,
из ветхого депо ползет трамвай,
старинную пекарню огибая,
и запах хлеба - словно пропуск
в рай,
и стук колес - как звон ключей
от рая...

Под окнами развешено белье,
экран для снов, и этот мальчик -
я ли?

Здесь детство коммунальное мое
в уютный космос туго пеленали.
Здесь на кругу трамвая тихий люд
застыл еще, должно быть,

в прошлом веке -
трамваи в нашем городе живут
подобно чувствам в старом
человеке.

Расколдованные тени

А нам с тобою некуда спешить,
и времена другие наступили,
и нам не суждено свой век прожить
среди этих красок, запахов и пыли,
где всякий - будто родственник
тебе
и всякому ясна его забота,
где человек выходит за ворота,
а город - равен миру и судьбе...

* * *

Помню, отец на рыбалку ночную
взять обещался меня наконец;
спорят родители: как обману я
сына? - и на руки поднял отец,
и посадил на железную раму,
велосипед полетел в темноту,
я, в забытье провалившись, как
в яму,
замер комочком живым на лету,
не разделенным на душу и тело,
было мне от роду несколько лет,
видел, как медленно небо алело,
не понимая, что это рассвет.

И расступались днепровские
плавни
там, где народ в старину баловал,
вольный народ, обиход
стародавний,
наполовину разрушенный вал,
тихий напев, незакрытые ставни,
над колыбелью прекрасный овал.

Только в младенчестве правда
святая,
детство - как зеркало передо мной,
я закрываю глаза: молодая
мама ступает дорогой земной...

Что мне осталось от этого scarba?
Вижу отчетливо, как наяву:
выудил папа зеркального карпа,
передо мной положил на траву.

La stazione di Venezia Mestre

Не помню, полустанок ли, вокзал,
неитальянской речи отголоски,
ни платья не запомнил,
ни прически,
но все слова, казалось, разобрал.

А правда ли, возьми да и спроси я,
есть поговорка сербская одна?
И за меня продолжила она:
на небе Бог, а на земле - Россия...

* * *

A.C.

Ослепленный волшебными снами,
а своей-то земле и не мил,
я ходил непрямыми путями
и нездешнюю правду любил.

Отпускал от себя что ни день я,
словно змеев воздушных, слова,
восходящий поток вдохновенья
увлекал их наверх - синева

их вела по невидимым вехам,
где над полем, а где над горой,
и вселенная рифменным эхом
отзывалась на голос порой.

А когда от меня отступила
дерзновенная правда моя,
все пустое душа позабыла
и вернулась в родные края.

* * *

Се есть новый Костянтин великого
Рима,
иже крестился сам и люди своя
крести.

Повесть временных лет

Светает. Узором ложатся следы
на белый, как снег, солончак;
а степь для тебя распахнула сады,
сквозь ночь провела от звезды
до звезды,
затеплив, как свечку, очаг.

Тебе оставляю я право твое.
Что сгрудилась свита твоя?
Иль вольное ей не по нраву житье,
иль, может, в Корсунь приветить ее
велел не по-княжески я?

Досье «УГ»

Михаил Иверов, поэт. Родился в 1969 году в Днепрпетровске. Окончил физико-технический факультет Харьковского университета. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Фома» и альманахах «На холмах Грузии» (Тбилиси), «Вечность камня и неба ночного» (Москва). В 2014 году вышла книга стихов «Метехский мост» (М.: Воймега, 2014). Живет в Московской области.

«Довольно ли им благородных
принцесс?
Чем варвара нам задарить?»
«Кончается степь, начинается лес».
«Вот разве что вера, но, взяв
Херсонес,
возможно ль ее сохранить?»

И все-таки ты улыбаешься мне,
глаза рукавом отерев;
летишь на арабском своем скакуне,
и яблоки падают, будто во сне,
среди неподвижных деревьев.

...Нелегко на север порожистый путь
с поклажей из царских невест;
о, только обратно бы не повернуть,
в степи не пропасть, на реке
не уснуть,
храни их, Андреевский крест!

Вернутся ли в Рог Золотой корабли
и будет ли с ними ковчег?
Чтоб мы до последнего не обрели
пленный палладиум Русской
земли,
поставлен над ним печенег.

* * *

Р. Р.

Защищены, но не слишком права
у Мнемозины.
Сквозь снегопад простирает Москва
болью руины.

**Кто прорубил им в базальте ступени
из-под земли?**

И обывателя сводят с ума
краны-трудяги,
кажется, это уже не дома,
а саркофаги.

Срокам исполниться и временам
необходимо,
или же не были явлены нам
образы Рима?..

Там - Капитолием гордым глядит
холм за Неглинной,
фрондой опричной своей знаменит,
спесью старинной.

Тут Авентином разбавленный Рим
смотрит плебеем:
барин, по-вашему не говорим,
не разумеет.

Пусть продувают сквозные ветра -
небу открыта
площадь Соборная гробом Петра
митрополита.

* * *

А. А.

Петрова, Божьей милостью поэта,
я вез архив в обычном рюкзаке.
Был Духов день. Сворачивалась
Лета

в Садовое кольцо. Как по реке
троллейбус шел. Я был в небесном
ранге,

с тяжелыми крылами за спиной,
былые времена как бумеранги,
как молнии сверкали надо мной.
Я нес чужую огненную лиру,
и ноша мне была не по плечу:
она пропела городу и миру,
мне нечего сказать - и я молчу.
Но приводить к заветному порогу
ужели у нее такая власть?..

«Ах, Мишечка, спасибо, слава Богу!
Я дождалась».

Фото Германа ВЛАСОВА

Помню, отец на рыбалку ночную взять обещался меня наконец

* * *

*...И ангелов я вопрошаю Твоих:
зачем я остался в живых?
Игорь Меламед*

Призывая Ангела Господня,
как о самом близком и родном
о тебе молиться мне сегодня...
Заклинаю только об одном:
ты в больничных горестных палатах
уповай на Господа живых,
чтобы Он послал тебе крылатых
милосердных ангелов Своих.

...Вы его за плечи обнимите
темной ночью, черным сентябрем;
я молю: о Ангел, о хранитель,
верным будь ему поводырем.
Кухня, словно комната свиданий
рая или ада посреди;
Ангел смерти, демон оправданий,
прошлого его не бережи.
Как же утомительны свиданья:
жало в плоть, предутренняя муть,
не дано от смертного страданья,
Боже, ни воскреснуть, ни уснуть.
Господи, зачем такие муки
или дар в обмен на боли дан?
Если мог бы - взял его на руки,
на руках отнес на Иордан.
Боже, где целебный Твой источник?
Сделай выносимым хоть на миг
жизни догорающий подстрочник,
вечности жестокий черновик...

Метехский мост

Я видел виноградники зимой,
их силуэты черные на фоне
коричневой, лоснящейся, живой
бессмертной глины, сложенной
на склоне
террасами, ведущими туда,
где облака плывут, как караваны,
и где ветра свободные, как сваны,
из камня высекают города.
Лоза без листьев - древний алфавит,
в гортань заключены его осколки,
пребудут на террасе, как на полке,
и книга Царств, и Числа, и Левит.

Внизу был город весь как на ладони,
была ладонь заветная тепла;
немного замедляясь у Сиона,
река неукротимая текла:
о, сколько раз вода в ней потемнела
не оттого, что таяли снега,
храни свои святыни, Сакартвело,
и этот мост, и эти берега.

Мы - в землю нисходящие послушно
наполненные квэври. Простодушно
устремлены открытые глаза

туда, под облака, под образа.
Кто Виноградарь? Где Его лоза?
Возрадуйся, божественная глина!
Гляди: равноапостольная Нина
в мехи вливает новое вино,
вовек да не отвергнет нас оно!

* * *

*На свете все проходит,
И даже эта ночь...
Арсений Тарковский*

О сад, какая радость мне
в благоухании и цвете?
Я тихо плачу в стороне,
и благодатны слезы эти.
Я плачу, и в слезах моих
вся горечь будущей разлуки.
Еще темно, и сад затих,
и лепестки ложатся в руки.

Затихли травы на лугу,
затихли мертвые в могилах,
я плакать больше не могу
и слез остановить не в силах;
я женщина, и плачу так,
как плачут женщины простые,
о Господи, подай мне знак,
что слезы эти не пустые.

Кто здесь еще? Не подойду,
останусь тенью незаметной.
Блажен, кто трудится в саду
в благословенный час рассветный.
Ему спокойно, он один.
Зачем явилась до зари я...
«Скажи мне, добрый господин,
не ты унес Его?» - «Мария!...»

* * *

Одета по странной, но все-таки моде,
кинзу, базилик продавала
при входе -
армянка, гречанка, татарка,
грузинка?
Я с ней зацепился у крытого рынка.
- Армяне меня называли армянкой,
цыгане меня признавали
цыганкой...

- Ну, это легко объяснить я сумею:
конечно, считать бы хотели своею
красивую женщину в каждом
народе,
тем более ту, что одета по моде.

- Не зря ведь мое заприметило око:
хоть ты белобрысый, но сам-то - с
Востока, -
и мне, улыбнувшись, перстом погрозила.
Была в ней какая-то древняя сила,

во взгляде, что вывернет вас
наизнанку,
и в теле, что держит былую осанку.

- Почти угадали, моя баронесса,
я с Юга: Ростов, Симферополь,
Одесса.

- А, то-то, я вижу, как черт,
загорелый,
бери, угостишь свою кралю
чурчхелой,

была ведь когда-то и я молодою...
...Я сдачу не взял и смешался
с толпою.

* * *

*В остяки или в дауры -
Знает Бог один.
А.И. Ушаков*

Марево. Черное солнце над нами.
Ставит шатры за холмами орда.
Видно, как прежде, под их табунами
почва тверда.

Кем расколдованы, двинулись тени
и под копыта на травы легли,
кто прорубил им в базальте ступени
из-под земли?

То ли пошли половецкою пляской,
встав из курганов своих, мертвецы,
Рем ли на Ромула глянул с опаской:
делят сосцы.

Черное солнце ползет по-над
кручей,
молнии бьют в средокрестье дорог,
спрячусь ли где от судьбы
неминуемой -
ведает Бог.

За реку дед мой отводит обозы
по золотой луговине моей.
Скошены травы, укутаны лозы.
Золото дней.

Вот и тропа, шелковицей увита,
мне бы в станицу мою на часок,
взял бы у матери я аксамита
и образок.

Попридержу у Муравского шляха,
благослови нас, смиренный монах,
не все равно ли мне, дыба ли, плаха,
это ли страх?

Полям, оврагом, тропинкою узкой,
встав, отряхнув вековые сны,
снова ступают равниною Русской
боги войны.

Андрей ВОЛОС

Я смотрел в окно.

Меньше суток назад я увидел бы очертания города, затерянного в жаркой пустыне и такого знойного, что сама мысль о зиме показалась бы предвестницей безумия.

Но сейчас за окном валил снег. Фонарный свет стоял молочно-белыми конусами. В середине каждого высился столб. Проезжавшие машины представляли примерно такие же, только эти, начинаясь от фар, лежали на боку.

Обычно снегопад действует на меня умиротворяюще. Сейчас я не мог унять тревоги. Воронки снегопада вращались изнуряюще медленно. Весь он был влажен и тяжел, как тягучий сон с нехорошим концом.

Впрочем, вранье: у плохих снов не бывает дурных завершений. Наоборот, просыпаешься, приходишь в себя и понимаешь, что на самом деле все не так плохо. А вот у хороших - именно что плохие: из беспричинного мира чарующей небыли тебя (вместе с твоим ужасом) выбрасывает в жуткую однозначность яви...

Я снова набрал Лавровского. На службу в такое время суток звонить

Страна сновидений

глупо. Домашний не отвечал. Мобильный, как и прежде, находился вне зоны доступа. Правда, временно. Да, временно. Но не нужно забывать, что нет ничего более постоянного, чем временные явления.

День валился в ночь, завершаясь тем же, с чего начался. Я искал Лавровского со вчерашнего вечера. Я начал поиски еще по дороге в аэропорт Лас-Вегаса. Выскочил из казино и помчался.

Всегда прежде это было так просто. Это и понятно: ведь в его банке - в коммерческом банке «Заря» - лежат мои деньги. Он сторожит их. И приумножает. Лавровский - сторожевой пес. Попробуй только какой-нибудь проходец прокрасться к моим сокровищам. Гав-гав! Но я - я в любую секунду могу беспрепятственно получить их. Ибо они мои. И всегда прежде я находил Лавровского в первую же секунду поиска.

Однако теперь он не отвечает.

Удивительно, как быстро стареют мысли. И связанные с ними чувства. Еще вчера эти простые умозаключения обладали страшной, невысказанной силой. При взгляде на их черные лезвия я испытывал ужас.

Во всяком случае, еще когда садился в самолет, то и дело какая-нибудь из них, коротко взмахнув, с бандитской прямоотой била прямо в сердце, и я обливался кровью.

А теперь - затасканные тряпки. На них не осталось живого места. Каждый миллиметр бесплотных телец ошупан, обмусолен, обслюнявлен - как на старой профессионалке, потратившей жизнь на чужие утехы.

Всего сорок часов!..

Ну да. Первый жар я почувствовал, когда вошел в казино. Не просто казино: казино «Греесе».

Кто не знает, тому глупо объяснять. Лас-Вегас полон чудес, но казино «Греесе» чудесно и среди них. Как только ты, счастливый Аладдин, переступаешь порог этой пещеры, этого хранилища диковин, проникнуть в которую наконец-то позволили тебе твои деньги, - тебя охватывают теплые, дружеские, любовные объятия. И вовсе не две руки, как можно было бы подумать. Не меньше семи. Не исключено, что девять. Даже, может быть, целая дюжина нежных рук. Все они лезут из кожи, чтобы показать, как ты им нужен. Насколько плохо им было без тебя. Твое появление радикально изменило их жизнь к лучшему. Поэтому они стремятся доставить тебе немедленное наслаждение. Точнее сказать: причинить блаженство. Ибо как бы ты ни сопротивлялся, оно все равно тебя настигнет.

Понятно, что одна из них между делом целит прямо в карман.

Суть не в этом, ведь за все надо платить. Что делать - удовольствие стоит денег. Но о деньгах не стоит беспокоиться, деньги у тебя есть. Их за семью печатями хранит Лавровский в своем крепком банке, и ты всегда в них уверен.

Даже когдаходишь в VIP-зал казино «Греесе» - в святая святых этой сокровищницы, - ты еще в них уверен.

И лишь когда тебя усаживают за стол, а в кресле напротив ты обнаруживаешь сальную, расплывшуюся морду главного бухгалтера коммерческого банка «Заря»!..

Все может быть нелепым совпадением, кроме одного: обстоятельства неспособны сойтись так причудливо, чтобы у главбуха банка «Заря» появились средства для посещения VIP-зала казино «Греесе».

Если, конечно, сам главбух не принял кое-чего для реализации этой необыкновенной случайности.

Кажется, я еще не успел обрести дар речи, когда он обратил на меня внимание. И, разумеется, прикинулся, что видит впервые. Но тут же вскочил, чтобы, пренебрегая заботами о своих фишках, торопливо направиться к выходу. За ним поспешали какие-то прилипалы.

Досье «УГ»

Андрей Волос - российский поэт и прозаик. Родился в 1955 году в Сталинобаде. Окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина по специальности «геофизик». Вернулся в Душанбе, где занимался переводами таджикской поэзии. В 1979 году дебютировал с собственными стихами в журнале «Памир». С конца 1980-х начал писать прозу.

Лауреат Государственной премии России, премии «Антибукер», Международной литературной премии «Москва - Пенне». Дважды финалист премии «Большая книга». Роман «Возвращение в Панджруд» удостоен премии «Русский букер-2013» и «Суденческий букер-2013».

Член Союза писателей Москвы. Живет в Москве.

Можно сказать, я схватил его за руку.

Но что толку? Что я мог сделать?

Бежать следом? Кричать: «Держите вора!»?

Мы в чужой стране. Он главбух банка, про который здесь никто не слышал, я - столь же известный в этих краях клиент того же заведения.

Что мне оставалось? Только сорваться с места и мчаться к тому, что я еще считал своим. Я тоже не стал дожидаться, когда шарик остановится. Не прошло и часа, как я был в аэропорту...

Еще раз набрал номер - и опять положил трубку, ничего не услышав.

На горле явственно сходились чьи-то влажные руки.

Я выпил стакан виски - немного отпустило.

Как ни странно, мне хотелось спать. Должно быть, усталость и отчаяние брали свое.

Добрался до постели. Закрыв глаза.

Утром снова гнаться за Лавровским. Лавровский не отвечает на звонки. Его главбух сидит в VIP-зале казино «Греесе». Минимальная ставка там - десять тысяч. Задача для второклассника: если все обстоит именно так, то где мои деньги?

Я преследовал их.

За мной самим гнался страх.

Я боялся... я в ужасе бежал от собственного страха.

И так, на бегу, провалился в бредовый сон.

* * *

Я бежал, не понимая толком, зачем это делаю.

Мы рванули, не сговариваясь. Как будто наши с ним нервы вытянулись, выйдя за пределы изможденных тел, пронизали ледяной воздух, как пронизывают кристалл кварца нити рутила, - и накрепко сцепились. Даже спросились: я узнал его мысли, он - мои.

Мысли оказались похожи.

Тут-то мы и бросились бежать.

Глупые мысли. Нелепые мысли. Но, должно быть, ощущение того, что ты наконец-то поделился ими с кем-то, а он - такими же нелепыми - с тобой, было сильнее рассудка и логики.

В общем, мы побегали.

Глупо, глупо.

Колонна только вышла из ворот.

Хоть бы подождать, пока она протянется еще на двести метров!

Черная змея скрылась бы за черными уступами заснеженного леса, и тогда по крайней мере мы бы проделывали все это не на виду у часовых.

А сейчас они, стоя у пулеметов,

изумленно смотрели с вышек, как два безумца по-лягушачьи прыгают в глубоком снегу.

Что толкнуло? Не знаю. Может быть, страх? Может быть. Но если так, то разве не из огня да в полымя? Не в самые ли его объятия мы кинулись?

Он даже не был моим напарником. Вообще не знаю, откуда он взялся. Встречались ли мы раньше? Да, конечно, лагерная жизнь тесна. Но я его не помнил.

Он опережал на шаг. Я видел, как тяжело дается ему этот шаг: ведь по колено в сыром снегу - это почти как по колено в воде.

В ушах стоял рев. Это кровь, ревя, била во все жилы, трубила в уши.

Ветер тоже ревел. Ветер гнул верхушки елок, стряхивал снег с веток. Но ничего: с востока шла погода, сулившая к вечеру насыпать новые полметра.

На что мы рассчитывали? На что мы могли рассчитывать? Не знаю. Я же говорю - нелепица. Ни на что. Если только на глоток воздуха. И правда, вкус его отличался. Но свобода не могла быть долгой.

Сзади летело что-то вроде «ой-ой!». Это было «Стой!», я догадался.

А потом треск. Но не с вышек. На вышках почему-то еще медлили. Это, должно быть, сбитый с ног конвойный поднялся. Хотя бы на одно колено. Ему хватило. И вскинул винтовку, ловя на мушку один из двух кое-как ковыляющих по снежной пустыне бушлатов.

Я видел, как дернулась голова. Шапка слетела, как после подзатыльника. Что-то мелькнуло в воздухе. Какое-то брызги, что ли.

Когда слетела шапка, он уже начал делать новый шаг. Шаг в тяжелом снегу. Похоже, снег становился все тяжелее. Он не осилил его тяжести. Запнулся, стал падать, раскидывая руки.

Но я был жив, я бежал, и сколько бы пуль ни летело за мной, они меня еще не догнали.

* * *

Проснулся, давя в гортани крик.

Кровь еще билась в теле.

Но я уже осознал, что это был сон.

Всего лишь сон.

Кровь успокаивалась. Входила в берега.

Явь быстро выплывала из морока сна.

Мы видим только тени, оставленные прошлым. Вот что мы видим, - подумал я.

И перевел дух.

Да, это был всего лишь сон.

А на самом деле все по-прежнему.

И понять это - было счастьем.

Нет погони, нет выстрелов... я не бежал.

Я жив.

Это был сон, просто-напросто дурной сон.

Я сел, сцепив перед собой руки и потягиваясь.

Оглянулся.

У порога намело неровной полосой - должно быть, и на самом деле всю ночь шел снег.

Дверь то и дело хлопала, клубы холодного пара мешались с надыханным вонючим воздухом.

Заключенные копошились на нарах.

Зевнув, я стянул шапку и всласть почесал зудящую голову.

Гаврилюк тоже был здесь - это с ним на пару мы бежали в моем сне. Странно увидеть после такого. Даже смешно - жив, и голова цела. Везунчик. А во сне я его не узнал...

Сон, просто сон.

Гаврилюк слез на землю между нарами и стал что-то выщипывать под своим матрасом. Матрас - громко сказано, конечно. Тлелая блошина тряпка, в которой солома давно превратилась в труху.

Я и по себе замечал - каждое утро хочется перебрать, заново переложить имущество, которым ты безраздельно владеешь. Пусть, на взгляд вольного, оно представляет собой совершенно незначительный хлам. Но все равно: чем меньше сил и жизни остается в человеке, тем больше времени уходит на любование своими нелепыми пожитками. Огрызок карандаша, обрывок бечевки. А то, бывает, и какая-нибудь деревяшка или пригланувшаяся почему-то еловая шишка.

У кого что.

Я потянулся напоследок.

До подъема оставалось минут десять, не больше.

Рис. Екатерины БОЧАРОВОЙ

Москва. Памятник покорителям космоса

Картина Вермеера

Вот так примерь, стань ближе
к свету

и не во двор смотри - сюда,
чтоб солнце высветило летнее
белки, и сделалась заметною
в них заблестевшая вода;
и воротник на кофте хмурой,
как снег на черепице крыш,
лежал. В тюрбане от гяуров
чуть вопросительной фигурой
вполоборота ты молчишь.

Молочны лоб и подбородок,
краснеет приоткрытый рот.
Что это - молодость, порода?
Твой водомеркою сквозь годы
взгляд испытующий плывет,
сам спрашивая: это жемчуг,
воск белый, рыба чешуя?
Движенья губ одной из женщин
в весенней лихорадке шепчут:
- Она моя иль не моя?

Тебе сейчас пойдут любые,
рождая домыслы подруг.
Настали времена сырые...

Еще тебя зовут Мария,
ты смотришь - с Севера на Юг.

* * *

математик артист
и в пальто окрыляющем плечи
как любой эскапист
не выносит имперские речи

без окна человек
пешеход божедомки и лестниц
он задумал побег
как монаду придумывал лейбниц

а куда он бежит
и жена по порядку не знает
всюду клейкую жизнь
будто пролитый чай оставляет

в новый свет в тадангыл
за чернильною сизою тучей
только нежный распыл
только ветки в зеленке пахучей

* * *

не смотри на сверкающий ливень
майский дождь несговорчив и прям
сколько желтых изломанных линий
разделили окно пополам

и к стеклу не спеша прикасаться
там качаются ветви гурьбой
их зеленые листья двоятся
и в отрыв уведут за собой

в акварельной такой мешанине
где гремит и рябит без конца
как у тернера в новой картине
дирижера не видно лица

но когда отшумит - будет создан
удивительной радости день
словно кто-то расчесывал воздух
и прогнал его дымящую тень

Теплота от короткого слова

* * *

Жить, Москвы не замечая
(взгляд куда-то вбок) -
проблеск улицы, ее кривая, локон,
локоток.

В будни взбешенный и пенный,
на моргающем коне, -
милый мой Кривоколенный,

ты приснился мне
в эту Троицу, в Ее субботу связкою
ключей:

пядь идущих на работу в тишине
звончей;

Ты уток или основа? Нитью,
уводящей в рай,

так на Чистопрудном снова
прозвенит трамвай;

уток стая перелетных, пряжа,
полотно пруда

и чернил подземных откуп - зеркало
(звончей) вода.

Это перстенок потерян, найден.
Чиркнул стриж.

Это, сам себе не веря, в зеркало,
на дно глядишь.

* * *

С.Янышеву

куртка его выдает с головой
тушь отогреет и пишет по-русски
ласточек с юга увижу конвой
ласточек узких

дни мои ночи на длинных весах
мед мой накопленный воском

сгорая
инеем легким в твоих волосах
не был вчера я

Герман ВЛАСОВ

Досье «УГ»

Герман Власов - поэт, переводчик. Родился в Москве в 1966 г. Окончил филологический факультет МГУ. Стихи печатались в журналах «Знамя», «Континент», «Волга», «Новый Берег», «Крещатик», «Дети Ра» и др. Лауреат Волошинской премии (поэзия и перевод). Живет в Москве.

божия птица на солнце поет
дом мастера из апрельской соломы
чуден аптекарский твой огород
боже мой кто мы

если весна то и шапку долой
женщиной пахнут потекшие крыши
куртка его выдает с головой
птицам и выше

так высоко задохнуться боясь
туч грозовые чернила разводы
слева направо зеленая вязь
ласточки всходы

* * *

памяти А.Сопровского

говоришь погода теперь не та
мандарин не купишь снежок
не слепишь
есть еще могильная теснота
юбкой за ограду гляди зацепишь

и поэтов зрение не в чести
как оно сплелось там у евтушенки
принимают мертвые до шести
за стеной сплошной
на преображенке

и такого страха в помине нет
огорчится Иов свое отдавший
но спасибо Господи за тот свет
из-за туч октябрьских просиявший

за любовь и горечь за холод и зной
всё как листья осенью всё красиво
если снег опять не пойдет зимой
и за это тоже Ему спасибо

* * *

Теплота от короткого слова,
а потом - долготы, маета.
Тереби его снова и снова,
будто глядя чужого кота.

Проводя между пальцев шерстинки
Или - взвесив - о, хитрый прищур,
эскалатором ниже Неглинки
я похожие лица ищу.

Все они потянулись навстречу,
позабыли значение одно. -
«Добрый вечер, - твержу, - добрый
вечер».
Опускаюсь на шумное дно.

И в вагоне умышленно старом
станет кресло толкать и качать.
От короткого слова удары -
говорить про себя, не молчать.

фото Германа ВЛАСОВА

Москва - город ангелов

Два стихотворения

1

Он присел -
потеют меньше сидя -
вытер лоб обратной стороной
плотницкой ладони.
Он увидел,
как на коже выступила соль
зернами радения земного.
Со спины, с обратной стороны,
на рубаше выступило слово.
Нет,
черты видны:
женщина с ребенком на руках
в облаках.

Выше, выше, плотники, стропила:
близок, что Арей, жених и гость.

Он умеет ладно и красиво
всаживать по шляпку медный
гвоздь
в плоть сухой неплодной сикиморы,
тени не дающей между скал.

Он в дороге и прибудет скоро
Он сказал.

2
мария не пряла не вышивала
но всякий день восторгом
проживала
ища любовь как воздух воздух был
горяч в нем плыл

хамсин который смахивать рукою
со лба и платья устаешь покоя
марии нет есть только взвесь и пот
ее но вот

не пыл сухой не лепестки пустыни
но будто море синее прихлынет
глядит кругом всё разом умерло
шесть крыл гало

видны и эти радуги над кровом
всё в новом свете в откровеньи
новом
что пряжу прясть как слушать моря
шум
идет на ум

здесь где любовь как азбука
незрячих
узнаешь столько губ сухих горячих
покуда не поймешь живет вода
теперь всегда

тогда и звезды кажутся весами
и можно смоляными волосами
мужские ноги насухо тереть
и умереть

(букет)

хорошо бы какую посуду
на шкафу если встать на кровать
красоту принесли отовсюду
и не жалко ее обрывать

вот лохматое пламя сирени
одуванчики бронзой монет
незабудок теснят акварели
собирают на кухне букет

колокольчик герань луговая
лютик майника скошенный рот
и не страшно когда грозовая
на поселок армада плывет

хорошо что из разных названий
луговые растенья в воде
отменяют язык расстояний
значит места не будет беде

и наверное будет не страшно
если к ужину сослепу вдруг
с затаенной обидой вчерашней
в окна майский ударится жук

* * *

Это в сером, это в белом, это кто...
не привыкший к подаванию

пальто...
без улыбки, от которой... без палат
(даже цвет ее помады небогат)...

Вкус провинции (синица, воробей),
мелкий дождь (скорей со лба его
убей),
рыжий кот залез на груды кирпичей,
это город - город русский и ничей...

Это церковь... Тонет радуга в реке,
лезет божия коровка по щеке...
Белый клевер, ветки шорох,
душный вздох...
звезды августа облаял кабыздох...

Стрекотание кузнечика с куста,
рядом корчится, как грешник,
береста;
режет воздух поезд, давит
мошкар...
Дождь опять пошел, закончится
к утру...

* * *

много чужих разобщенных людей
что же ты жук почему скарабей
в питере северном лица
колко небрежно двоится

портик канавка обводной канал
кто же тебя из италий сваял
бабочкой белою биться
бритвой немецкою бриться

гоголя гордого вздернутый нос
в питере бриться безумный вопрос
в куртке ключами шуршала
билась душа мандельштама

здесь от водицы холодной
скользко двоится болотно

* * *

Хочу отдельности, как летний
дождь отвесный, -
не общности, не сети повсеместной;
единственности - карий с голубым
(не желтый, не зеленый, - не
с любим).

Еще затылком, холодок почуя,
осмысленности тлеющей хочу я, -
как молнии, отцарствующей

в вышних;

хочу длиннот - повисшими
на вишне.

Слепое солнца рыжие заплаты...
Окрылой тишины хочу крылатой;
царапающие - белоградин - санки,
икринные, пугливые овсянки

глаза и, будто сложенные вместе,
две палочки, две крохотные в тесте.
Вот вдумчивость намокшая, нагая
так желтоклюво, перисто шагает

по смоченной траве и по болотцам,
по маленькой губе, по обороткам
от пишущих машин;

по их молчанью -
гудит огонь и пахнет кирпичами.

Не в зрелости еще, но и не юной -
хочу пугливой красоты июня;
овсянок, лета, вишни и камина -
и молнии хочу, и муравьино...

* * *

памяти Аси Каревой

со мной это было
я шел у подъезда курить
на длинной скамейке
спиною к стене прислонялся
и близилась полночь
и куст начинал говорить
и голос черемухи
ветром больным обрывался

и вышла луна
как наверно выходит на пруд
соседка-подросток
и были шаги ее наги
и воздух звенел
в продолжении долгих минут
я видел такое
чего не сказать на бумаге

и то хорошо
что чудесному имени нет
что ночь безоглядна
и в темном таятся живое
и сорванный лист
это чья-нибудь жизнь на просвет
и светится в малом
значение ее грозное

откуда не знаю
начало такой красоты
наверное в том
что она умолкание шума
что нету страшней
и прекрасней ее наготы
когда она смотрит в упор
словно кто-нибудь умер

я вижу и слышу
и я не могу рассказать
а только вхожу
как чужой в пелену грозную
глядят испытующе
карие эти глаза
той вечной и первой
которую не назову я

светилась черемуха
ночью когда при луне
она появилась
сначала взглянувшая мельком
потом будто вспомнив меня
обернулась ко мне
со мной это было
я вышел курить на скамейку

Прямоугольник света

* * *

русский язык
выпадает порой в виде снега
теплого снега
на ветках кошках машинах

снова
солнце и пыль
тюркской хозяйственной речи

* * *

ШБ
МНП
ЫМБШ
дальше ни бе ни ме
ни шиша

не видишь
напрасно тетка
тычет в прямоугольник света
морковь пропишут тебе на терке
уколы в глаза - попу - вены

потом начнут подбирать линзы
читай читаешь ШБ а ниже?

вижу только горящие буквы
в пламени только ЫМБШ вижу

не осталось слов песок
перетек *ш-ш* в ту что ниже
белый в лампе волосок
пожелтел и еле дышит

всем отбой черствеет хлеб
надо все в пакет какой-то
долго ищешь плед плед
руку там пошарь под койку
а в окне где не гляди
двор и яблоня седая
и вода из крана кап

щелкнет выключатель и
.....
и движение песка

Конец истории

история - значит родиться
в рубашке
в саманном доме без газа света
а кончить жизнь в девятиэтажке
на Алгоритме* или еще где-то
история - это подтираться
сухой глиной в детстве
дожить пройдя эпоху газеты
до рулонов с перфорацией
и туалета
история - это начав с ишака
которого приходилось калошей калошей
пересест на трамвай до Рабгородка
набитый потом на метро позже
на жигули нексию за рулем
внучка: всё - история - он ее в школе

и потом в вузе райисполком
выше не вышел такая история
история - это движение от
детских ребрышек сквозь смуглую
кожу
к седым зарослям увившим живот
как виноград соседскую лоджию
это - история и можно спокойно
спать но недавно прочел в науке
история кончилась открыл

какой-то
американец лучше бы в руки
не попадалось история кончена
смотрит на внуков как же внуки
правнуки - как же она так -

он помнит
старый саманный и катышки глины
их ишака умный был разбойник
и как первую трамвайную линию
гравий как туда всей улицей сыпали
и сквозь гравий горел одуванчик

Сухбат АФЛАТУНИ

пуговицей золотой на кителе
это вот кончилось кончилось
значит?

ошибается американец
сам-то не родился в самане
печку зимой не топил киззяками
в Рабгородок не давился в трамвае
не ищет в тумбочке валидола
после этой статьи или помнит он
как фатиху: *нас води-ила молодость*
в сабельный скорей-скорей
за тонометром

история - это жить быть
убежденным
в девятиэтажке нагретой
до степени ада
что история - не утешение
побежденных
а внуки и правнуки испуганно
вставшие рядом

* Спальный район в Ташкенте.

Досье «УГ»

Сухбат Афлатуни - поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1971 году в Ташкенте. Окончил философский факультет Ташкентского университета. Стихи и проза публиковались в литературных журналах России, Узбекистана, Кореи, США и др. Лауреат премий журнала «Октябрь» (2004, 2006), «Русской премии» (2005, 2012), поощрительной премии «Триумф» (2006), премии Anthologia (2011). Живет в Ташкенте.

Хлопок - белое золото Узбекистана

Шпанка

Моя тетя Малика не поднимается с кровати уже месяц. У нее рак мозга в последней стадии, и ни химия, ни АСД, ни подсолнечное масло с водкой уже не помогают. Она почти не открывает глаза, не говорит, только еле слышным шепотом дает понять многочисленным родственникам, ежедневно приходящим ее проведать, что все еще их слышит.

Прихожу и я, придвигаюсь на стуле к самой кромке кровати, осторожно сжимаю своей левой рукой ее еще теплую правую руку и говорю:

- Как дела?

Больше ничего на ум не приходит. Да и что тут скажешь еще?..

Тетя Малика с усилием приподнимает веки и долго не моргая смотрит на меня. Как будто узнает. Я с трудом слышу - «Хорошо». И тут она вдруг, также шепотом, но почти скороговоркой:

- Ты покушал? Там в холодильнике плов - разогрей, холодным не ешь. Потом посуду помой. Ты никогда не моешь за собой посуду. Ты уходишь, а я ночью встаю и мою. Там еще борщ есть. Я вчера сварила. Только он тоже холодный, ты его в печь поставь на три минуты, будет горячий...

Я говорю:

- Хорошо, поем, посуду помою...

Спасибо, тетя Малика. Вы скоро поправитесь и с дядей Арсеном придете ко мне в гости. У меня в морозильнике вишня-шпанка, летняя, со своего дерева, вы ее так любите, вот вас она и дожидается. Только поправляйтесь поскорее...

Тетя Малика в знак согласия чуть заметно опускает подбородок на грудь и закрывает глаза. Я сижу еще несколько минут, осторожно поглаживая ее руку своей. Потом встаю и выхожу в зал.

Сид ЯНЫШЕВ

...Там вокруг стола сидят мои пожилые дяди - муж тети Малики Арсен и брат моей мамы Акмаль. Мама сидит на диване, молчит, ее взгляд застыл на подарочном чайном сервизе, стоящем на шифоньере напротив. Больше в квартире никого нет.

Я сажусь рядом с мамой и накрываю своей левой рукой ее теплую правую руку. Она как будто пробуждается ото сна, поворачивает голову в мою сторону:

- Ты голоден? Там в холодильнике есть борщ, пойди сам себе подогрей в микроволновке - у меня сил нет.

Я говорю, что пока не хочу, и начинаю прислушиваться к еле слышному разговору дядей.

- ...Тебе завтра же нужно сходить к председателю махалли и договориться насчет скамеек и курпачей. Думаю, понадобится не менее пяти скамеек, ну и курпачи - сколько будет, - говорит дядя Акмаль.

- Да его еще надо поймать - не знаю, будет ли он на месте, - говорит дядя Арсен.

- Ну, должен быть... Не он, так кто другой - обычно в махалле по вечерам сидят аксакалы. Сегодня уже поздно, а завтра часов с шести, наверное, будет там кто-то.

- А ты можешь со мной сходить? Я же не знаю, что у вас, мусульман, обычно в таких случаях требуется. Вдруг я что-то забуду...

- Да он знает, что надо, ты просто скажешь - на похороны, он все и даст.

- Ну, так ведь это же все тащить надо. Вот я и говорю, пошли вместе.

- Ладно, сходим... У тебя есть телефон председателя махалли?

- Да, должен быть в записной книжке. Действительно, нужно сейчас позвонить, пока спать не лег, и договориться на завтра. Саид, сможешь завтра прийти - помочь?

Я говорю, что да, конечно, приду.

- Еще надо завтра не забыть напечатать пригласительные, - продолжает дядя Арсен, листая телефонную книжку. - Я предварительно договорился здесь неподалеку.

- А почему там? И сколько хочешь напечатать? - деловито спрашивает дядя Акмаль.

Дядя Арсен, надев очки, старательно жмет на кнопки телефона:

- Да вроде недорого... Алло, алло, Нигмат Турсунович? Добрый вечер, как у вас дела?.. У нас - да все по-пре-

Досье «УГ»

Сид Янышев, писатель, журналист. Родился в 1972 году в Ташкенте. Окончил актерское отделение Института искусств им. М.Уйгура и факультет русской филологии Узбекского государственного университета мировых языков.

Член Центральноазиатского ПЕН-клуба, лауреат Центральноазиатского литературного конкурса «Новеллазия», Первого Всеамериканского фестиваля авторской песни им. Б.Окуджавы, Самаркандского фестиваля авторской песни.

жнему... Я завтра хотел зайти - пере-
говорить... Во сколько?.. В шесть?.. А,
хорошо, будем, спокойной ночи.

Затем, отключая телефон и сни-
мая очки:

- Думаю, штук сто хватит.

- Почему?

- Ну, это зависит от бумаги. Ну и
качество... Надо цветные напеча-
тать. Но все равно, думаю, недорого
выйдет.

- Да-да, обязательно цветные.
Хотя и черно-белые, если бумага
хорошая, неплохо будут смот-
реться...

В дверном проеме появляется
сгорбленное очертание силуэта
тети Малики. Я вскакиваю, следом
мама, затем, роняя стулья, дяди.

- Малика! Ты - как?! - подбегая к
своей младшей сестре, кричит мама.
Следом подбегают дяди.

- Ты с ума сошла! - дребезжащим
голосом говорит дядя Арсен. - Разве
так можно?!

- Ты как встала? - начальствен-
ным тоном вторит ему дядя Акмаль.

- Немедленно ложись! - беря за

плечи жену, умоляет дядя Арсен. -
Тебе нельзя вставать!

- Да, иду, - с закрытыми глазами
шепчет тетя Малика и медленно по-
ворачивается в сторону спальни. Ее
муж, приобняв за плечи жену, шаг за
шагом ведет ее к кровати, где моя
мама уже старательно взбивает по-
душки.

- А где вишня? - напоследок слы-
шу я. Видимо, только я, потому что

дядя Арсен лишь непрерывно по-
вторяет:

- Тебе нельзя... Нельзя вставать,
что же ты с собою делаешь?..

Через полчаса мы с мамой и дядей
Акмалем обуваемся в прихожей.

- Ну, значит, договорились, - про-
щаясь с хозяином дома, вполголоса
говорит дядя Акмаль, - завтра в
шесть мы у тебя...

февраль, 2014

Александр КАБАНОВ

* * *

Хмели-сунели-шумели,
 хмели-сунели-уснули,
 и тишина заплеталась, будто язык
 забуддыги,
 к нам прилетали погреться старые-
 добрые-пули,
 и на закате пылали старые-добрые-
 книги.
 Крылья твои подустали, гроздь
 твои недозрели,
 йодом и перламутром пахнут окно и
 створка,
 хмели мои печали, хмели мои б
 сумели,
 если бы не улитка -
 эта скороговорка.

* * *

Я люблю - подальше от греха,
 я люблю - поближе вне закона;
 тишина укуталась в меха -
 в пыльные меха аккордеона.

За окном - рождественский хамсин:
 снег пустыни, гиблый снег пустыни,
 в лисьих шкурках мерзнет апельсин,
 виноград сбегает по холстине.

То увянет, то растет тоска,
 созревает ягода-обида,
 я люблю, но позади - Москва,
 засыпает в пояс шахида.

Впереди - Варшава и Берлин,
 варвары, скопцы и доходяги,
 и курлычет журавлиный клин
 в небесах из рисовой бумаги.

Мы - одни, и мы - запрещены,
 смазанные кровью и вином,
 все мы вышли - из одной войны,
 и уйдем с последнею войною.

Что я - мысль о тебе

* * *

То иссохнет весь, то опять зацветет
 табак,
 человек хоронит своих котов и
 собак,
 а затем выносит сор из ночных
 стихов
 и опять хоронит рыбок и хомяков.

Вот проснулся спирт и обратно упал
 в цене,
 но уже не горит, как прежде, видать
 - к войне,
 погружая душу на всю глубину
 страстей -
 человек хоронит ангелов и чертей.

К голове приливает мрамор или
 гранит,
 зеленеют клеммы, божественный
 дар искрит,
 человек закрыт на вечный
 переучет,
 если даже срок хранения - истечет.

* * *

Зима наступала на пятки земли,
 как тень от слепца в кинозале,
 и вышла на лед, и тогда корабли -
 до мачты насквозь промерзали.

И больше не будет ни Бога, ни зла
 в твоём замороженном теле,
 чтоб каждая мачта, желтея, росла -
 соломинкой в страшном коктейле.

Чтоб жажды и мыслей последний
 купаж
 хранить в саркофаге, как Припять,
 и можно всех призраков, весь
 экипаж
 из этой соломинки выпить.

* * *

За то, что этот сад переживет века
 и не осыплется минута за минутой,
 возьми его за яблочко и придуши
 слегка,
 в гнедую кожуру по осени укутай.

Плоды айвы, покрытые пушком,
 как щеки детские, - полны и
 розоваты,
 и ты бежишь с отцовским
 вещмешком,
 и вновь трещат от тяжести заплаты.

Когда стреляет Босх Иероним
 двустольной кистью в голову и
 спину,
 а ты бежишь, с рождения раним, -
 вишневый и седой наполовину.

И за оградой - вновь увидишь сад,
 увидишь дом и ангельские лица
 всех брошенных тобою, невпопад
 варенье пишется и в баночках
 хранится.

* * *

Море волнуется раз, море волнуется
 два,
 ты замираешь на три где-то у моря
 внутри,
 весь в паутине теней, водорослей,
 в дыму:
 гжель - твоё тело, гжель - спишут
 под хохлому.

Чуешь ли ты меня, видишь ли ты
 меня,
 знай: человек-амфибия просит еще
 огня,
 преодолевая соль, жабы свои
 садня,
 наш человек-амфибия просит еще
 огня.

Досье «УГ»

Александр КАБАНОВ, поэт, главный редактор журнала о современной культуре «ШО», координатор Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры». Автор десяти поэтических сборников и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Дружба народов», «Арион», «Новая газета», «Литературная газета» и др.

Лауреат «Русской премии», премии «Antologia» - за высшие достижения в современной поэзии, премии журнала «Новый мир», Международной Волошинской премии и др.

Стихи переведены на украинский, английский, немецкий, голландский, финский, грузинский языки.

Живет в Киеве, пишет на русском языке.

Брось ему флягу с джином и
подмешай «Tabasco»
в море, чтоб запотела у человека
маска,
чтоб отвалился к бесу этот дефис
амфибий,
брось ему амфибрахий и за свободу
выпей.

Пусть он всплывет и выйдет
на освященный берег,
был под водой - сангвиник, стал
на земле - холерик,
больше ему не плавать морем
в гламурных ластах,
больше ему не слушать марши
на всё согласных.

Мафусаил

Гудели оводы и шмели, бродили
в яблоках корабли,
а я по-прежнему на мели, ой,
намели -
неповторяемые снега, пойду
на рынок - куплю врага,
затем добавлю к нему - по вкусу -
сырой земли.

Какое счастье в окно смотреть,
непроницаемое на треть,
от чистотела - пора ослепнуть
и вновь прозреть,
услышать вечные сквозняки,
а дальше - бабочки и жуки -
новорожденные старики,
прекрасны ведь?

* * *

Давинчи - виноград, вишневый
чех де сада,
и все на свете - кровь, и нежность,
и досада,
а если нет любви: зачем,
обняв колени,

ты плачешь обо мне в пятнистой
тьме оленьей?

На завтрак шелестишь вечернюю
газетой
и веришь тишине - мошенице
отпетой,
ее базарный торс прозрачнее
медузы,
куда она несет за волосы арбузы?

Давай уедем в Рим, начнем дневник
уныло,
по капельке раба - выдавливать
в чернила,
пусть за углом судьбы - нас не спасут
полбанки,
лишь музыка, еще невидимой
шарманки:

напрасные слова, дефис, бычки в
томате
и сонная пчела на медной рукояти.

* * *

Напой мне, Родина, дамасскими
губами
в овраге темно-синем о стрижах,
как сбиты в кровь слова,
как срезаны мы с вами -
за истину в предложных падежах.

Что истина, когда - не признавая
торга,
скрывала от меня и от тебя -
слезинки вдохновенья и восторга
спецназовская маска бытия.

Оставь меня в саду на берегу
колодца,
за пазухой Господней, в лебеде,
где - жжется рукопись, где - яростно
живется
на Хлебникове и воде.

* * *

Владу Клену

Облака под землей - это корни
кустов и деревьев:
кучевые - акация, перистые - алыча,
грозовые - терновник, в котором
Григорий Отрепьев,
и от слез у него путеводная меркнет
свеча.

Облака под землей - это к ним
возвращаются люди,
возвращается дождь и пустынные
глазницы его,
спят медведки в берлогах своих,
спят личинки в разбитой посуде,
засыпает Господь, больше нет
у меня ничего.

Пусть сермяжная смерть -
отгрызает свою пуповину,
пахнет паленой водкой
рассохшийся палеолит,
мой ночной мотылек пролетает
сквозь синюю глину,
сквозь горящую нефть и,
нетронутый, дальше летит.

Не глазей на меня, перламутровый
череп сатира,
не зови за собой искупаться
в парной чернозем,
облака под землей - это горькие
корни аира,
и гуляют кроты под слепым
и холодным дождем.

Мы свободны во всем, потому что
во всем виноваты,
мы - не хлеб для червей,
не вино - для речного песка,
и для нас рок-н-ролл -
это солнечный отблеск лопаты
и волшебное пенье подвыпившего
рыбака.

УКВ

Позабывтый УКВ-приемник,
в нем хрипит зарезанный наемник:
длинный долгий ужин на траве,
жалко, что приемник - УКВ.

На вечерней киевской газете
он лежит в расстегнутом жилете,
рядом сохнет листик чабреца,
луковое горе - два колечка,
соль, картошка, и смолкает речка -
перед тенью Гамлета-отца.

УКВ - плесканье волн коротких,
ямочка на женском подбородке,
водка, словно музыка в уме,

ветреное сало бутерброда,
карт перетасованных колода:
крест козырный, церковь на холме.

Точки и тире, читай: терновник,
до свиданья, маленький приемник,
старомодный гений хрипоты.
Будем жить, сверчкам кивать
согласно
и макать в подсолнечное масло

* * *

Лесе

Сбереги обо мне этот шепот огня
и воды,
снегириный клинок, эвкалиптовый
привкус беды,
я в начале пути, словно Экзюпери
в сентябре,
где Алькор и Мицар, где иприт
в лошадиной ноздре.
Далеко обними, пусть ведет
в первобытную синь,
где Алькор и Мицар, твой мизинчик
династии Минь.

Над звездой - листва, над листвою -
трава и земля,
под землею - братва
из космического корабля,
я за словом «кастет» - не ползу
в карман кенгуру:
вот и вышел поэт, танцевать
золотую муру.
Вот смеется братва и бессмертную
«Мурку» поет,
и похмельное солнце над городом
детства встает.

Сбереги обо мне - молоко
на хозяйской плите
(здесь любой виноград - бытовая
возня в темноте),
сбереги о любви - бесконечный
пустой разговор,
где лежит у воды, с перерезанным
горлом, Мисхор.

Рис. Екатерины ИВАНОВОЙ

И тогда ты поймешь, задремав в жи-
гулиной арбе,
что я - зверь о тебе,
что я - муж о тебе,
что я - мысль о тебе.

* * *

Вновь посетил Одиссей милую нашу
дыру,
пил - за Отчизну.ua, плакал -
о Родине.ru.
Вот бы и нам, Поляков, взять
поощрительный приз:
выиграть проклятье богов,

как - кругосветный круиз,
Морзе учить назубок, лыбиться
вдаль: «Повезло...»,
морю в серебряный бок - всаживая
весло.

Выползло крымское солнце,
а под глазами,
словно не похмелившись, или не
с той ноги...

Щуримся, ака японцы (верные наши
враги).

Снилось: меня разбудят, выведут
за жнивье,
родины больше не будет, больше
не встретишь ее,
море вокруг, страницы вырваны
из дневника,
в полночь слетелись птицы.

Белые, без языка...
Пахнет подгнившей вишней, йодом
и солью полн
воздух, вокруг затишье, шорох
радиоволн,
новости: мир в Европе... Прибыл
третьего дня
Симонов к - Пенелопе. Помните:

«Жди меня...»?
Знаешь, Андрей, собака, парус
под ветер.com,
нам не нужна Итака, рында звонит
по ком?

Тянут пустые сети пьяные рыбаки,
плаваем в Интернете, и не подать
руки.

Весна в Таврическом саду

День айседоров и протяжен,
как будто выстиранный шарф,
ворота пьют на брудершафт
из навесных замков и скважин.
И, заложив «за воротник»,
ворота валяются в цветник
и прижимают грузной тенью
сирень...
И ржанье ржавчины, и шепот
в пазах, меж пальцами травы,
и запах спиленных решеток,
и статуя без головы -
плывет задумчиво у входа...

До синевы, до небосвода
процежен воздух ранних слив,
а мы сегодня в капитанах,
и сад - сидит на чемоданах,
и ожидается разлив.
Когда, отмаявшись в апреле
и настоявшись на руках,
речная тина, еле-еле -
звенит в траншейных позвонках.
Разочарованное чудо:
весенний ливень, слой слюды,
и подходящая посуда -
ночные волчьи следы.

* * *

Мой милый друг, такая ночь
в Крыму,
что я - не сторож сердцу своему,
рай переполнен, небеса провисли,
ночью в перевернутой арбе,
и если перед сном приходят мысли,
то как заснуть при мысли о тебе?
Такая ночь токайского разлива,
сквозь щели в потолке, неторопливо
струится и густеет, августев,
так нежно пахнут звездные

глубины
подмышками твоими голубыми;
уже, наполовину опустев,
к речной воде, на короточках,
с откосов -
сползает сад - шершав и абрикосов,
в консервной банке - плавает звезда,
о, женщина - сожженное огниво:
так тяжело, так страшно,
так счастливо,
и жить всегда - так мало, как всегда.

* * *

Олесе

О чем с тобой поговорить,
звереныш мой? Зима, охота -
порою свитер распустить,
чтоб распустилось в мире что-то.

На ветках и в карманах - голь,
страна, одной рукой страничит,
другой - дарует боль, и боль -
здесь с вдохновением граничит.

О, этих дач морозный чад,
раздетый алкоголь, обеды,
ты - одиночества беседы -
не верь: счастливые молчат.

Звереныш мой, минувшим летом
я сам себя не замечал,
и тысячи стихов об этом
тебе, родная, промолчал.

Теперь - зима, широколобость
церквей, больничный хрип саней,
и еле слышно пахнет пропасть -
духами женщины моей.

Николай КАРАЕВ

El Coronel No Tiene Quien Le Escriba¹

Я знаю: нужно, словно талисман,
упаковать и веру, и надежду
и поместить их аккуратно между
бесцветных строк полночного
письма,

замуровать печатями конверт,
отправить ввысь с последним
цепелином,
который силуэтом журавлиным
рассеется в весенней синеве,

похоронить на время чуда,
любовь сберечь в своей постылой
нише -
и, может быть, полковнику напишет
неназванный далекий адресат.

Осенний менуэт

Я расстелю Восток у ваших ног:
как дао - прост, как дзэн - смешон
и строг.
Вы босиком уйдете в пустоту
меж стройных пагод и глазастых
ступ.

Я белый Север вам преподнесу
подлунным снегом в сказочном
лесу.

Средь вечных льдов сияют маяки:
случайный взгляд, улыбка, взмах
руки.

Согрею томным Югом нежность
плеч,
границу слов не смея пересечь.
Ваш конь поскачет в тридевятый
раз
по лезвию дороги на Дамаск.

Кстатический ПИСЬМОВНИК

Примите Запад: ангельский витраж,
родных краев готический пейзаж,
в котором, лишь коснется вас
рассвет,
растает наш осенний менуэт.

Мы сядем рядом в черно-белом сне
и будем говорить о том, что не.

Lost: Fifty Suns²

Господин великий глава
межгалактического флота,
как и заповедано нам высочайшим
уставом,
по прохождении опасного
квантового поворота
пишу о потерях, понесенных
личным составом.

С прискорбием готовясь
к формальному хакакири,
вынужден сообщить, что потери
наши неисчислимы.

Даже самый сложный и самый
секретный в мире
ИскИн не справился
с иррациональным и мнимым.
Утрачены: ощущение нашей
миссии; смысл жизни;

способность вести боевые действия
на два фронта;
карта межзвездной местности;
понятие об отчизне;

инструкция по дешифровке
событийного горизонта;
бутылка шампанского; Бог;
несколько империалов;
память о реинкарнациях. Прочее все
по плану,

если не считать стихийного
матросского карнавала
(виновные гиббернированы). Засим,
отложив катану,
прошу вас о милосердии, а также

любви и вере;
пусть это война - согласитесь,
от космоса не убудет.

Мне легче думать, что путь наш
все-таки многомерен,
невзирая на осточертевший
мандариновый пудинг
на завтрак и ужин. Потери,
повторяю, неисчислимы.
Время сбегает исподволь с грацией
автомата,
жизнь черных дыр галактики тоже
проходит мимо.
Дождь все стучится жалобно
в темный иллюминатор.

Как и предписано, рапорт в простом
бумажном конверте
с изображением девушки, мне пока
незнакомой,
немедля бросаю за борт. Ни к чему
вспоминать о смерти
на неисповедимой, как эти звезды,
дороге к дому.

Круг

Доброй ночи, милый друг.
Завтра будет новый круг.
Пыль, дорожка и черта,
А над ними - пустота.

Вновь взойдет, непобедим,
В третьем мире пятый Рим,
Чтобы властвовал над всем
Цезарь в жизни номер семь.

Стук дождя и сердца ток
Надиктуют пару строк.
Вновь откроется портал,
В пустоту уйдет сигнал.

Черный чай и серый плед.
Только тишина в ответ.
Не печалься, не любя,
Завтра ты придешь в себя.

Будет небо - гладь листа,
А на глади - ни черта.
Вновь один и тот же круг.
Доброй ночи, милый друг.

Досье «УГ»

Николай Караев, поэт, писатель, журналист. Родился в Таллине в 1978 году. Магистр экономических наук. Автор научно-фантастических рассказов. Переводит прозу и поэзию с английского, японского и эстонского. Обладатель специального приза ордена куртуазных маньеристов на турнире поэтов «Пушкин в Британии» (2005). Награжден премией фонда «Капитал культуры» (Эстония) за сборник стихов и стихотворных переводов «Безумное малабарское чаепитие» (2009).

Пенелопе

Возвращаюсь к тебе, дорогая моя
Пенелопа,
Как бы ты ни звалась в этом дивном
и новом.
Надоело глядеться в стеклянное око
циклопа.
Возвращаюсь к основам.

В мире сложных богов, очумело
качающих скиллы,
Мы с тобою никто, но с приставкою
«крипто».
Нас не примут в свой замкнутый
круг ни визгливая Сцилла,
Ни дурная Харибда.

Лучше плыть одному, чем
в компании теплой на блюде
Да в разверстые пасти титанов
надменных.
Здесь становятся свиньями,
в общем, приличные люди,
Чьи стремления бренны.

Лестригоны стригут барыши, ловят
кайф лотофаги,
Мы с тобою и то позабыли друг
друга.
Разгони женихов, подними наши
прежние флаги,
Дорогая супруга.

Завтра в восемь меня призовут
на работу сирены.
Я заплыл далеко, но уже
не печалюсь.
Разделяющий нас океан мне теперь
по колено.
Я к тебе возвращаюсь.

Мне скучно без вас

Мне скучно без вас, моя милая,
На этом затерянном острове,
Где топчут прекрасные лилии
Пегасы копытами острыми,
Поскольку их бледные крылья
Давно покорило бессилье.

Мне скучно без вас, моя светлая,
Среди этих капищ без имени,
Где окна и звезды заветные -
В тени безразмерного вымени
Вселенской коровы-копилки,
В которой лишь тьма да опилки.

Мне скучно без вас, моя главная,
В эпоху страданий бессмысленных,
Порывов бездарно задавленных,
Угроз неизбежно бесчисленных;
Мир стал бы чуть менее душным,
Когда бы мне не было скучно.

Изабель

О, моя добрая Изабель,
раньше я видел свет, а теперь
горизонт заметен снегами.
Скоро они растают, будет потоп.

А после сядет на мель
этот ковчег, и однажды моря вновь
обрастут берегами.

Помнишь, как мы с тобой детьми
летали чуть выше крыш,
сбегали от времени в каждом сне,
обещая не расставаться?

У нас, как в самом любимом фильме,
всегда будет Париж,
а также Хэйан-кё, Рим, Эдинбург,

и все в пределах абзаца
письма, которое проще простого
выдать за пасмурные стихи,

чтобы никто не догадался. Если б ты
знала, как я скучаю
по твоей доброте, по часам и книгам,

даже по тропам глухим,
что энную жизнь выводят к тебе и
к эпохе взаимного чая.

Тут бывает, поверь, всякое.

С треском ломается механизм,
дирижабль падает в бездну, гаснет
пламя в глазах влюбленных,

и каждый третий меняет сердце
на дешевый псевдобуддизм,
и каждый второй с пеной у рта

кровью раскрашивает знамена.

Но даже если на полпути
готический поезд съедет в кювет,
я пойду по рельсам пешком.

Все будет так, как мы хотели.

Хей-хо, моя добрая Изабель. Пишет
тебе потерявший свет,
но не потерявший цели.

¹ Полковнику никто не пишет (исп.).

² Потеряно: пятьдесят солнц (англ.).

Как Бог создавал гэльский язык

Белый лист бумаги. Без единого слова. Девственно чистый. Белый. Абсолютно.

Смотреть на белизну листа было уже невозможно, и Бог закрыл глаза. Вдохнул. Побарабанил пальцами по столешнице.

Вздыхнул еще глубже.

По оконному стеклу постучали.

- Изыдьте, - сказал Бог.

За окном неделикатно кашлянули, оно распахнулось, и ноздри Бога уловили явственный запах серы.

- Что такое?! - слышался знакомый ехидный голос. - Коварный Creator's block¹ подкрался незаметно? Э, да у Тебя, как я погляжу, творческий запор...

Бог страдальчески воззрился на дьявола. Дьявол сидел на подоконнике и с деланным равнодушием расчесывал изящным каменным гребешком кончик хвоста.

- Я сказал, изыдь, - решил настоять Бог.

- Ладно-ладно, - сказал дьявол. - Я на минутку. Чего творим-то? Какой-нибудь занятный папоротник? Решаем проблему поведения нейтрино в...

- Пошел в пекло! - воскликнул Бог и бухнул кулаком по столу.

Дьявол оторвался от созерцания хвоста.

- Эге, - сказал он. - Я вижу, дело обстоит серьезно. Помочь?

- Знаю Я твои помощи.

- Ну уж. Так над чем мозгуешь, старче? Признавайся, а то не уйду.

Бог почесал бороду.

- Над гэльским языком. Будь он трижды... кхм. Трижды благословен.

- Не выходит гэльский язык, да?.. - спаясничал дьявол. - Дай-ка я гляну... Ого. Да в нем пока ни словечка.

Ни грамматической, извини, структуры... Та-ак, что мы знаем о гэльском языке? - хвост дьявола изогнулся знаком вопроса. - Бедные, несчастные q-кельты! У всех будут языки как языки, и только гэлы останутся безмолвными, буквально Лига Наций при Мюнхенском соглашении...

- Закрой пасть, пожалуйста, - попросил Бог. - Без тебя тошно.

- А в чем проблема?
 - Да в том и проблема - ничего в голову не лезет! Все придумал что мог. Все раздал. До последней мысли. В голове пустота.

- Буддийская?
 - Если бы.
 - Нехорошо, - прицокнул дьявол.
 - Нехорошо, - согласился Бог.
 - Ты вот что... Ты, раз уж так, дай волю воображению.

- В смысле? Нешто Я до сих пор не давал?

- Не знаю, давал или нет, но... Ты придумай что-нибудь эдакое. Особенное. Чего больше ни у кого нету. Ну или есть, но очень редко встречается. Устрой этим гэлам лингвистические русские горки. Чертово, про- сти, колесо!

Дьявол принялся прыгать по комнате. Бог смотрел на него с сомнением.

- Фонетику, пожалуй, сделай не очень сложную. Гласных побольше, чем в убыхском, пожалуйста, - дьявол сам ухмыльнулся своей шутке, и даже Бог вынужден был признать: состриг отменно. - И этих... щелкающих согласных не надо. Ну кликсов. А то африканцы сами себя не понимают.

- Отлично понимают, - заступился Бог за африканцев.

- Не нуди. Не надо кликсов и прочей совсем уже экзотики. И письменность... Где эти гэлы живут, говоришь?

- На севере Британии.

- В зоне римского влияния, значит? В общем, латинский алфавит. Диакритики в меру. Да-да, не мне Тебя учить... А вот в плане грамматики, как говорится, удиви нас! Ты же можешь, я-то знаю...

- Земфира? - спросил Бог тоскливо.

- Гляди-ка. Узнал цитату. Я уж думал, ты, кроме БГ, никого не слушаешь. Гы-гы-гы. Ну будет, не обижайся. Лучше задай этим гэлам перца. С японцами же у Тебя получилось! А я пошел. Чмоки всем в этом чате!..

Дьявол выпрыгнул вон, притворил окошко и удалился, напевая «The Road to Hell»². Бог, чтобы как-то прийти в Себя, принялся насвистывать «Stairway to Heaven»³, сфальшивил и замолчал. Обождяв, когда голос дьявола растворился в звенящей тишине, Он выдвинул ящик стола и достал заветную бутылку виски.

- Так, - сказал Он Себе после первого глотка. - Получилось с японцами - получится и с гэлами. Это Мне не фотосинтез-шмотосинтез... Начнем с местоимений. Пусть местоимений будет несколько наборов. Простые - и эти, как их... эм... эмфатические.

Бог набросал на листе бумаги две таблички. Всмотрелся. Результат ему понравился.

- Теперь, - сказал Он Себе после второго глотка, - падежи. Звательный падеж. Обязательно звательный падеж. Довольно языков без звательного падежа! Пора возвращаться к истокам... Княже, старче... мамо... Стоп, это славянские. Тут надо позаковыристей. Удивим их всех!..

Бездонная бутылка и не думала пустеть, а лист стремительно покрывался схемами, таблицами, примерами.

- И если женщину зовут Mairead, - бормотал Бог после энного глотка, - то в звательном падеже... в зательном падеже... после первой согласной на письме добавляем букву... пусть будет «h»...

Он поискал таблицу «Произношение», сверился с ней, задумался.

- «Mh» читается как «в». И она уже будет не Майред, а Вайред. Ну и пусть. Зато заковыристо! А если мужчина... Тут нужно еще заковыристее. Пусть, скажем... скажем... Пусть после первой согласной прибавляется «h»... а перед последней добавляется... пусть добавляется гласная. Скажем, э-э-э... «i». Расставим точки на этой «i»...

Бог написал имя Tormod, нарисовал стрелку и написал после нее Thormoid. Сверился с таблицей произношения.

- Когда о нем говорят, он Тормод, а когда к нему обращаются, он уже Хормодь. А с учетом редукции глас-

ных Хырмодь. А может, добить их добавочной гласной? Хормодь? Хм. Не сложно ли? Да не, нормально... Такая вот, понимаешь, лениция...

Бог глотнул еще виски. Настроение поднималось. Язык выходил, прямо скажем, на славу.

- Грамматика! Куда ставить глагол? У англичан он на втором месте... У японцев всегда в конце... А у гэлов пусть будет всегда в начале! - идея поразила Бога настолько, что он расхохотался. - Не кто, не что, сразу действие! Action!⁴ Моментом в море, коротко о главном! Спал! Ем! Буду думать! И только потом уже - что ем, о чем буду думать, кто спал, где и... К дьяволу подробности! Это все не важно. Важно только и единственно действие! Суровые горцы, немногословные, бесцетные, серьезные, только о деле... А какая поэзия родится из такой грамматики! Стремительная, бурная, мощная! Эх!..

За окном подслушивающий дьявол довольно ухмыльнулся. И правда, язык выходил на славу. Японский с китайским у старика, конечно, тоже получились - мама не горюй. Не говоря о любимом языке дьявола, который в стельку пьяный Бог назвал так, что потом сам прочесть не мог, - !Хоо, он же кххонг. Но до !Хооговорящих и прочих членов койсанской макросемьи лингвисты западной цивилизации доберутся нескоро, а тут такое очаровательное гэльское безобразие, и не где-нибудь, а непосредственно в Европе.

Дьявол поздравил себя. Он не претендовал на многое. Разумеется, Бог всегда останется при своих, но чем больше хаоса, тем веселее.

Да, этот день творения определенно удался.

¹ Ступор Творца (аллюзия на writer's block, нучательский ступор, англ.).

² «Дорога в ад», песня Криса Ри.

³ «Лестница в небо», песня группы «Led Zeppelin».

⁴ Здесь: «Мотор!» (англ.).

Мировые бестселлеры от «ЭКСМО»

Премьера августа!

ПЕТР ПОЛОЖЕВЕЦ,
главный редактор
«Учительской газеты»

Книга, которая заставляет думать, как такие разные образовательные системы - финская, южнокорейская, сингапурская - обеспечивают высокие учебные достижения своих учащихся.

Книга, открывающая нам общий секрет всех успешных образовательных систем мира, показывающая, что, кто и как учит ребят мыслить, сравнивать, анализировать, делать выбор и отстаивать свою точку зрения.

Книга, в которой не все принимаешь. С ней хочется спорить.

Книга, которой суждено стать бестселлером не только в профессиональной среде, но и во всем публичном пространстве страны.

«Учительская газета» рекомендует

Уважаемые педагоги, пополните свою библиотеку книгами новой серии издательства «Эксмо».

Эти бестселлеры помогут вам по-иному взглянуть на извечные вопросы: как научить детей учиться, как поднять успеваемость и как создать дисциплину в классе.

40 лучших идей, 40 эффективных методик и 40 уникальных советов учителям от профессионалов мирового уровня, поверьте, достойны вашего внимания.

Мы прочли и оценили.

ИРИНА ДИМОВА,
первый заместитель
главного редактора
«Учительской газеты»,
кандидат педагогических наук,
заслуженный работник культуры РФ

Удивительная и очень полезная книга! Ее главная идея: нет плохих учителей, есть учителя, работающие недостаточно эффективно, но это можно исправить! Педагогическое мастерство, по мнению ее авторов, в руках учителя, нужно только постоянно работать над собой, поднимать уровень взаимодействия с детьми, коллегами, родителями, во время педагогических советов. Главное - понимать, что в учительской профессии непозволительно сосредотачиваться лишь на своей школьной дисциплине. Читателю предлагают методики обучения, благодаря которым даже начинающий педагог может овладеть искусством превращения учебы в интересный, увлекательный творческий процесс. 10-минутные тренинги, утверждают авторы, могут улучшить качество обучения. Нет оснований не верить им, достаточно внимательно прочитать советы, обратить внимание на «40 быстрых тренировок для эффективного преподавания», которые, без сомнения, помогут учителю в профессиональном росте, развитии, а главное - вдохновят и смотивируют на новые достижения. Здесь нет деления на главное и второстепенное, важны все детали и мелочи, от которых зависит качество преподавания.

ОЛЬГА МАКСИМОВИЧ,
заместитель главного редактора
«Учительской газеты»

От анархии к дисциплине. Как пройти этот путь родителю со своим единственным ребенком-непоседой или учителю, у которого в классе три десятка учеников? Ведь надо не просто решить острую проблему, когда ребенок наотрез отказывается учиться, грубит в семье и конфликтует в школе, а на любые просьбы о домашней помощи заявляет: «Не хочу! Не буду!» Крушение родительского авторитета в подростковом возрасте у ребенка, увы, часто встречающаяся ситуация. И бегство от уроков в тотальную игроманию тоже. Но это не тупик, если взрослые смогут выстроить пошаговую стратегию выхода к взаимному пониманию. И советы из книги доктора Марвина Маршалла в этом станут хорошим помощником. Дисциплина вовсе не синоним слова «стресс», если на практике уметь использовать методы, которые реально могут наладить климат в семье и классе. Прочитывая главы книги («Мотивация», «Повышая ответственность», «Преподавание», «Воспитание в семье»), взрослые как раз и смогут детально погрузиться в практику выхода из самых разных конфликтных ситуаций. Завершают книгу целая россыпь идей по развитию детской мотивации и набор популярных, но непродуктивных подходов воспитания. Все это полезно знать и родителям, и школьным учителям.

**«УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА» - ЭТО ПОИСК
ответов на сложные вопросы и азарт творчества.**

**«УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА» - ЭТО ТЫСЯЧИ ЧИТАТЕЛЕЙ-
единомышленников со всей страны.**

**«УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА» ЗНАЕТ:
каждый педагог уникален и нужен своим детям.**

В литературно-художественных конкурсах «УГ» ежегодно участвуют сотни педагогов и их воспитанников. В эссе, рассказах и иллюстрациях русские классики – Маяковский и Цветаева, Островский и Лермонтов, Гончаров и Есенин – становятся нашими современниками. Они перестают быть бронзовыми памятниками, превращаясь в живых и близких нам людей. Создайте и вы свой неповторимый образ русской литературы – участвуйте в конкурсах «УГ».

Лариса НАГОРНАЯ, преподаватель Московского военно-музыкального училища, победитель Всероссийского конкурса «УГ» «Парус одинокий»:

**Большое спасибо «Учительской газете»
за высокую оценку моей работы!**

Подробности на сайте
www.ug.ru

Наши подписные индексы:

**50137, 32168 по каталогу «Роспечать»;
12270, 12272 по каталогу «Почта России»**